

Тун Хуа

18+

Поразительное на каждом шагу

Алые сердца

步步惊心

Лучшие дорамы

Тун Хуа

**Поразительное на каждом
шагу. Алые сердца**

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кит)-44

Хуа Т.

Поразительное на каждом шагу. Алые сердца / Т. Хуа —
«Издательство АСТ», 2015 — (Лучшие дорамы)

ISBN 978-5-17-144660-4

Чжан Сяо – обыкновенная девушка, живущая в XXI веке. Однажды она попала в страшную аварию и очнулась в прошлом, в Китае XVIII века, в теле 16-летней аристократки Малтай Жоси. Но жизнь во дворце оказывается намного сложнее, чем Чжан Сяо могла себе представить. Постепенно девушка погружается в водоворот придворных интриг и, сама того не желая, оказывается втянута в опасную борьбу за власть между принцами. Вот только из курса истории Чжан Сяо хорошо знает, какая трагедия ждет всех впереди. Пытаясь изменить ход событий, девушка вмешивается в судьбы принцев. Но запретные чувства могут поставить под удар ее план. Вот только что, если именно Чжан Сяо предстоит стать причиной трагедии, которую она так стремится предотвратить? Во дворце, в самом центре любовных и политических интриг, каждый шаг словно по тонкому льду. Сумеет ли Чжан Сяо распутать тугой клубок тайн и найти путь домой?

УДК 821.531-31

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-17-144660-4

© Хуа Т., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

От автора	7
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	47
Глава 5	60
Глава 6	69
Глава 7	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Тун Хуа
Поразительное на каждом
шагу. Алые сердца

####

#####

STARTLING BY EACH STEP. VOLUME 1
TONG HUA

步步惊心

Russian translation Copyright is arranged with China South Booky Culture Media Co., LTD

Copyright © 2015, Tong Hua
All rights reserved.

© Каретникова Ю.С., перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

От автора

Не думаю, и все ж забыть не в силах

Я только-только приехала в Америку, покончив со старой жизнью, и еще не успела начать новую. Мне было скучно, я не знала, куда девать свободное время. И вот 16 мая 2005 года, поддавшись внезапному порыву, я написала первую главу «По тонкому льду», проверила текст на ошибки и тут же выложила его в Сеть.

Сначала я волновалась, что никто не читает мою историю, но примерно в то время, когда третья глава была выложена, начали появляться комментарии. Читателей, которым нравилась книга, становилось все больше, и это повлияло на мое отношение к ней. Чем дальше, тем более серьезно и добросовестно я трудилась, не забывая о книге ни на минуту. У меня нет писательского образования; в старшей школе я занималась естественными науками, в университете училась на факультете бизнеса и никогда особенно не увлекалась литературным творчеством. Не имея никакого понятия о том, как работать с текстом, мне оставалось лишь полагаться на собственное усердие и энтузиазм. В то время я не могла даже вообразить, что напишу историю длиной в четыреста тысяч иероглифов – 600 полновесных страниц! – и сумею ее издать. И тем более не могла представить, что по ней снимут сериал.

В августе 2005 года я подписала контракт на публикацию «По тонкому льду». Контракт пестрил незнакомыми терминами, но мне было все равно: меня абсолютно не волновали деньги. Прошел почти год, прежде чем я узнала о том, что такое авторский гонорар! Я считала так: радость приносит сам процесс творчества, а когда в результате рождается книга – это самый большой успех, которого можно добиться. Подобное отношение сделало меня бесстрашной, в моменты слабости придавало мне сил, я научилась ставить на первое место собственный труд и в любой ситуации отстаивать свое мнение. В то же время такой взгляд на вещи заставил меня немало поволноваться.

30 октября 2005 года я отправила издателю полную рукопись и стала ожидать публикации. Сначала мне обещали, что роман будет издан до Нового года по китайскому календарю, но представители книжных магазинов сомневались, что он будет хорошо продаваться, поэтому дату выхода книги постоянно откладывали.

В апреле 2006-го роман официально увидел свет. Однако издательство поссорилось с партнером и ввязалось в финансовый спор, и мой роман стал жертвой обстоятельств. У него не было никакой рекламы, а все книги серии, включая последующие, не могли быть реализованы в ведущих книжных магазинах, к примеру в сети «Синьхуа». Если подумать, книга изначально была обречена на провал. Но благодаря читателям и их сарафанному радио в том же году роман стал бестселлером, а после – и одной из самых продаваемых книг, вне зависимости от времени и сезона.

Один из читателей как-то написал в Сети: «Знаете, как я узнал об этой книге? Ее порекомендовал преподаватель на занятии в New Oriental»¹.

Другая читательница рассказала, что консультант в магазине не смог сказать, где лежит роман. После долгих поисков книга обнаружилась в дальнем неприметном углу. Улучив момент, когда консультант отвернулся, женщина тайком переложила два оставшихся комплекта на самое видное место.

С тех пор в моей жизни многое произошло: бывали трудности, но случались и радостные события, как и у всех нас. Тем не менее я всегда буду помнить то, что вы, мои первые читатели, сделали для меня.

¹ New Oriental Education & Technology Group Inc, – поставщик частных образовательных услуг в Китае.

Я не могу лично поблагодарить того преподавателя и ту читательницу, равно как и всех тех, кто рекомендовал роман друзьям и знакомым. Я могу лишь здесь, в предисловии, сказать вам о том, что без вашей любви и поддержки ничего этого не случилось бы.

Спасибо вам!

10 сентября 2011 года

Тун Хуа

Титулы

Акина – титул, который прибавили к настоящему имени восьмого принца Иньсы после ряда несправедливых обвинений. Его признали виновным по 40 пунктам и объявили, что он подверг опасности династию Цин. Получив к имени прибавку «Акина», он был исключен из императорской семьи и отправлен в тюрьму, где умер от болезни. Был посмертно реабилитирован в правление императора Цяньлуна в 1778 г.

Анда – титул воспитателя императорских детей, рангом ниже наставника.

Бэйсэ – титул принца 4-го ранга.

Ван – титул правителя в странах «ханьского (китайского) культурного влияния». Позднее использовался в значении «местный правитель».

Гусай бэйсэ – полное наименование титула бэйсэ, принца 4-го ранга, показывающее, что принц обладает определенной военной властью и имеет право отдавать приказы частям Восьмизнаменного войска.

Гэгэ – почетное родовое звание девушек из аристократических семей маньчжуров.

Гелонг – высшая из трех ступеней монашеского посвящения у ламаистов, «полные» ламы, соблюдающие больше 220 обетов.

Дорой-бэйлэ – маньчжурский титул, приравненный к «принцу 3-го ранга». Титул «бэйлэ», «принц», служил универсальным обращением ко всем особам императорской крови.

Дутун – военный губернатор.

Циньван – один из высших официальных титулов при династии Цин, приравненный к «великому князю» или «принцу крови 1-го ранга». Присуждался только членам императорской семьи.

Шилан – чин 4-го высшего ранга, примерно равный заместителю министра.

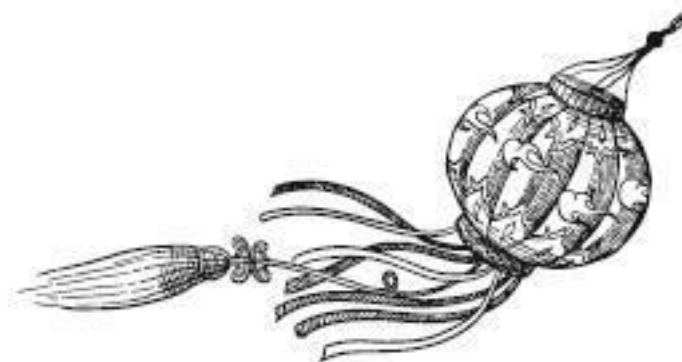
Шаншу – министр.

*Глядите, закат обагрил небеса!
Домой не воротимся мы отчего?
О, разве б мочила нам ноги роса,
Когда бы не князь и приказы его?*

*Глядите, закат обагрил небеса!
Домой не воротимся мы отчего?
В грязи разве гнули бы мы пояса,
Не ради правителя – ради кого?*

Глава 1

Проснулась в теле, что существовало сотни лет назад

Был самый разгар лета. Деревья не блистали той свежей зеленью, какая бывает ранней весной, когда кажется, что все хорошее только начинается, и оттого мир вокруг выглядит ярким и радостным. Листья потемнела и стала тяжелой, будто природа знала: великолепие достигло своего пика и ничего хорошего ждать уже не стоит.

У меня на душе было похожее ощущение. Шел десятый день, как я попала в прошлое, но мне по-прежнему казалось, что все это сон. Нужно лишь подождать, я проснусь и снова окажусь в современном мире, а не в сорок третьем году эпохи Канси². Ведь такое просто невозможно: Чжан Сяо, двадцати пяти лет, свободная от отношений, работающая в офисе, переносится на три века назад и оказывается маньчжурской девочкой по имени Малтай Жоси, которой едва исполнилось тринадцать.

Десять дней назад, возвращаясь с работы, я переходила улицу и не смотрела по сторонам. Когда я услышала пронзительные крики, было уже поздно. Мне показалось, будто я лечу вверх, к небесам, но, глянув вниз, я увидела собственное тело на капоте грузовика и потеряла сознание от боли и страха. Очнувшись, я обнаружила себя на кровати бывшей хозяйки этого тела.

По словам служанок, я упала с лестницы, ведущей на чердак, и лежала без сознания весь день и всю ночь. Врач сказал, что «болезнь», из-за которой я потеряла все воспоминания, является следствием пережитого потрясения и при должном уходе память постепенно вернется.

Я прошла совсем немного, а на лбу уже выступил пот.

– Вторая госпожа, давайте вернемся! Уже перевалило за полдень, солнце палит, а ваше здоровье еще не до конца восстановилось! – уговаривала меня Цяохуэй, личная служанка моей старшей сестры, – переехав в дом мужа после свадьбы, она забрала ее с собой.

– Хорошо! Сестра, должно быть, уже закончила читать сутры, – кратко ответила я.

Теперь меня звали Малтай Жоси, а старшую сестру доставшуюся мне словно в подарок, – Малтай Жолань. Она была одной из жен достаточно известной исторической личности времен

² 1705 год. Канси – маньчжурский император династии Цин, правил с 1662 по 1723 год.

династии Цин – циньвана Лянь, восьмого принца Юньсы. Правда, на данный момент восьмой принц еще не стал циньваном и имел лишь титул дорой-бэйлэ. К тому же, так как Юнчжэн пока не стал императором, восьмому принцу не было необходимости менять имя, соблюдая табу³, поэтому сейчас его звали Иньсы.

Мою старшую сестру можно было бы назвать добродетельной девушкой с мягким характером; но, если же говорить прямо, она была слабовольной и нерешительной. Как минимум половину суток Жолань проводила за чтением буддийского канона. Похоже, она не пользовалась особой благосклонностью своего супруга. По крайней мере, за те десять дней, что я пробыла здесь, мне не доводилось слышать, чтобы восьмой принц приезжал сюда. Как бы то ни было, к своей младшей сестре Жолань относилась очень хорошо: она заботилась обо всем на свете, опасаясь хоть в чем-нибудь мне не угодить. Я лишь вздыхала про себя. Если у меня не получится вернуться, то в этом времени Жолань будет единственной, на кого я смогу положиться. Однако, если подумать о том, какой финал ждет восьмого принца, станет ясно, что и эту опору нельзя считать надежной. Впрочем, эти события произойдут через много лет, и пока о них можно не думать.

Когда я вернулась в комнату, сестра, как и следовало ожидать, была уже там. Она сидела за столиком, выпрямив спину, перед ней стояло блюдо со сладостями. Меня она встретила легким упрёком:

– И ведь не боится, что солнце голову напечет.

– Разве я настолько хрупкая? К тому же небольшая прогулка пошла мне на пользу – я почувствовала себя гораздо лучше, чем несколько дней назад, – ответила я с улыбкой, присаживаясь рядом.

Жолань внимательно всмотрелась в мое лицо.

– Цвет лица стал получше, но сейчас слишком жарко. Больше не выходи на улицу в такое время.

– Хорошо, – тут же отозвалась я.

Дунъюнь поднесла мне таз для омовения рук и присела на одно колено. Я хихикала про себя: согласиться-то я согласилась, но последую ли твоему совету – большой вопрос. Цяохуэй подошла с полотенцем в руках и вытерла мне руки, а затем умастила их каким-то маслом цвета янтаря. Понятия не имею, из чего оно было сделано, но пахло очень вкусно.

Наконец мои руки были чисты, и я приготовилась взять парочку пирожных, но вдруг почувствовала что-то странное. Подняв глаза, я обнаружила, что сестра не отрываясь смотрит на меня. Мое сердце пропустило удар, и я ответила ей вопросительным взглядом.

– Надо же! – Ее лицо вдруг расцвело улыбкой. – Раньше ты была такой грубиянкой, не слушалась отца, а после падения стала вежливой и послушной!

Я вздохнула с облегчением и снова нацелилась на пирожные.

³ Табу на имена #кит.###– запрет на произнесение или написание имен императоров и предков в Китае. До вступления на престол брата Иньсы звали Иньчжэнь. Когда Иньчжэнь стал императором, никто больше не мог использовать иероглиф «инь». Его самого стали называть Юнчжэн, а Иньсы сменил имя на Юньсы.

– Но разве сестрица надеялась, что я всегда буду грубиянкой? – со смехом поинтересовалась я.

Сестра протянула мне кусочек моего любимого пирожного фужунгао⁴.

– Через полгода будут выбирать девушек для внутренних покоев⁵, – сказала Жолань, передавая мне лакомство. – Тебе непременно нужно научиться правилам приличия. Разве можно бесконечно слоняться без дела и безобразничать?

Кусок фужунгао застрял у меня в горле, и я громко закашлялась. Сестра поспешила дать мне воды, Цяохуэй торопливо похлопала меня по спине, а Дунъюнь побежала за полотенцем. Несколько крупных глотков воды помогли мне прийти в себя.

– Только заговорили о правилах приличия, и ты тут же вытворяешь подобное! – воскликнула Жолань одновременно сердито и со смехом. – Никто же у тебя не отнимает!

Вытирая губы, я продолжала размышлять, что же мне делать. Сказать, что я не ее младшая сестра Жоси? Конечно, нет! Я изо всех сил ломала голову, но ничего не могла придумать. Оставалось лишь утешать себя тем, что в запасе еще целых полгода.

– Помнится, сестра, ты говорила, что отец сейчас на северо-западе вместе с войском, а я приехала всего три месяца назад. Неужели отец отправил меня сюда только из-за того, что будут смотреть девушек для дворца? – спросила я Жолань как ни в чем не бывало.

– Конечно! Отец сказал, что матушка скончалась слишком рано, а вторую супругу ты все равно не слушаешь, и чем больше тебя учат, тем сильнее ты сопротивляешься. Отец посчитал, что меня ты послушаешь, поэтому отправил тебя сюда, а мне велел научить тебя хорошим манерам.

В то время каждый день после завтрака и ужина я сразу отправлялась гулять, накручивая круги по двору и прислушиваясь к своим ощущениям. Это было единственное, что я смогла придумать. Такой примитивный способ оказался весьма эффективным. Я постепенно привыкала к новому телу и уже не чувствовала себя как в первые дни после пробуждения, когда у меня ни на что не было сил. Несколько раз мне удалось уговорить Цяохуэй отвести меня на чердак, откуда упала настоящая Жоси. Стоя на верхней ступеньке лестницы, я снова и снова ощущала желание прыгнуть вниз; может, открыв глаза, я вернусь в современный мир? В глубине души я понимала, что гораздо более вероятен другой вариант: я сломаю ногу или руку, а больше ничего и не изменится. То ужасное зрелище – грузовик, мое бездыханное тело – явно не было иллюзией. На вопрос о том, почему душа Чжан Сяо переместилась в тело этой девочки из прошлого, у меня не было ответа. Все, что мне оставалось, – смириться и отнестись к произошедшему философски.

Цяохуэй прошла со мной один большой круг. Мы обе немного устали, но, к счастью, за декоративной горкой как раз лежал довольно ровный камень, и Цяохуэй, постелив сверху платок, усадила меня на него. Я потянула ее за руку, приглашая сесть рядом. Солнце только-только село; камень был еще теплым, а легкий ветерок обдувал лицо, даря приятную прохладу.

Я слегка задрала голову, разглядывая небо. Оно постепенно темнело, теряя свою яркую синеву, но по-прежнему казалось кристально-прозрачным и таким близким, будто достаточно протянуть руку – и сможешь прикоснуться. Это определенно небо прошлого, подумалось мне, ведь такое чистое небо в Пекине я видела всего один раз, в горах Линшань. Я вспомнила своих

⁴ Фужунгао #кит.####– китайская сладость, которую делают из сачимы #полосок обжаренного в масле теста#. По форме пирожные напоминали цветок гибискуса #кит.##— фужун#, отсюда и пошло их название.

⁵ Имеется в виду дворцовый гарем.

родителей, и мне стало горько. Я горевала вовсе не о собственной смерти – мысль о том, что пришлось пережить родителям, хороня собственного ребенка, причиняла мне боль. К счастью, оставался еще мой старший брат. Он с детства был опорой для мамы с папой; то, что он будет рядом с ними, было для меня хоть каким-то утешением.

Голос Цяохуэй выдернул меня из печальных дум:

– Вторая госпожа, вы действительно изменились!

За десять дней я слышала подобные слова от старшей сестры столько раз, что вовсе перестала обращать на них внимание, хотя поначалу они заставляли меня понервничать.

– И что же во мне изменилось? – спросила я, продолжая глядеть в небо.

– Раньше вас никогда не видели такой спокойной! Вы ни секунды не сидели на месте, господин даже звал вас диким жеребенком. До падения вы часто уговаривали хозяйку поменьше заниматься и одеваться поярче. Мы были так рады, что хоть кто-то пытается повлиять на нее, но сейчас... Вы даже не поднимаете эту тему.

Склонив голову набок, я посмотрела на Цяохуэй, но та, встретившись со мной взглядом, тут же опустила голову. Немного подумав, я заявила:

– Сейчас у сестры все крайне благополучно.

– Благополучно? – удивилась Цяохуэй, не поднимая головы. Ее голос слегка дрожал, когда она продолжила: – Прошло уже пять лет, и даже у той, что пришла в поместье гораздо позже, появился ребенок.

Я не знала, как объяснить ей. Не говорить же, что восьмого принца ждет весьма печальный конец и чем больше Жолань сблизится с ним сейчас, тем хуже будет ее собственная участь?

– Сестре лучше держаться от всего этого подальше, – сказала я со вздохом. – Сейчас у нее на душе спокойно, и она вполне довольна жизнью. Не понимаю, что тебе не нравится.

Цяохуэй подняла на меня глаза, будто пытаясь понять, были ли мои слова искренними. В конце концов она опустила голову и произнесла с сомнением:

– Но все эти люди в нашем поместье...

– Подними голову и посмотри на небо, – перебила я. – Такая красота заставит тебя позабыть все печали.

Она не нашлась что ответить. Ошарашенно взглянула сперва на небо, затем снова на меня, будто желая что-то сказать, но я сидела все так же неподвижно, склонив голову набок и глядя в небеса. Цяохуэй не стала ничего говорить, вместо этого она тоже бездумно уставилась в небо.

Внезапно мы услышали чей-то смех, и из-за декоративной горки появились двое. Шедший спереди был низкого роста и слегка полноват. Смеясь, он обратился к тому, что шел позади:

– Эта девчонка довольно занимательна! Ей всего тринадцать или четырнадцать, а говорит будто умудренная опытом взрослая девушка!

Цяохуэй быстро вскочила и поприветствовала подошедших:

– Всех благ девятому и десятому принцам!

С тех пор как я попала сюда, я впервые видела посторонних. Поначалу я остолбенела, и лишь когда Цяохуэй поприветствовала гостей, тоже встала, чтобы поздороваться. В обществе, разделенном на верхние и нижние слои, были распространены формальные приветствия. К счастью, я смотрела немало исторических сериалов и поспешно скопировала поклон Цяохуэй.

Слова этих мужчин барабанным боем отзывались в моей голове. Я успела позабыть, что сейчас мне тринадцать, а вовсе не двадцать пять.

Улыбчивый молодой человек, стоявший впереди, не произносил ни слова, а только тер подборок рукой и мерил меня оценивающим взглядом. Я подумала, что он и есть десятый принц, а тот долговязый, что стоит чуть позади, должно быть, девятый.

– Прошу, поднимитесь, – произнес девятый принц просто.

Мы с Цяохуэй выпрямились. Я подумала о том, что из всех выдающихся исторических личностей времен правления императора Канси первым, кого я встретила, был не добродетельный восьмой принц, а легендарный девятый, прозванный «ядовитой гадюкой», а с ним десятый, известный как никчемный тьюфак. Кроме того, я размышляла о том, не было ли чего-то недопустимого в моих недавних словах. Кажется, я не произнесла ничего неуважительного, и в том, что они могли меня услышать, нет ничего страшного, верно?

– Ты из семьи Малтай? – со смехом спросил десятый принц.

– Да, – ответила я.

Он хотел сказать что-то еще, но девятый принц поторопил его:

– Пойдем, восьмой брат уже заждался нас!

Десятый принц хлопнул себя по лбу и торопливо проследовал мимо, воскликнув:

– Точно! Стоило увидеть что-то интересное, как я тут же забыл о деле. Пойдем, пойдем!

Подождав, пока эти двое отойдут подальше, я подняла глаза и посмотрела им вслед, с грустью думая о десятом принце. Современники не обманывали – он действительно выглядит тьюфяком, подумала я и, не сдержавшись, рассмеялась. Едва мои губы сложились в улыбку, как десятый принц тут же обернулся со слегка недовольным лицом, будто, засмеявшись, я совершила какой-то проступок. Встревоженная, я и не ожидала, что он вдруг скорчит мне забавную гримасу. Я снова прыснула со смеху, а он широко улыбнулся мне и бросился догонять девятого принца.

По пути домой Цяохуэй молчала. То ли потому, что легкий испуг от недавней встречи еще не прошел, то ли была недовольна мной. Я тоже не произнесла ни слова, погруженная в мысли о произошедшем. Если мои жалкие познания в области истории чего-то стоят, десятый принц простой, как правда, и, боюсь, он тут же расскажет об этой встрече восьмому принцу. Я понятия не имела, как к этому отнесется господин бэйлэ. Вряд ли он обладает дурным нравом – недаром же его прозвали «добродетельным принцем», но все же стоит предупредить сестру, ведь, как известно, кто предупрежден – тот вооружен. Приняв твердое решение и обнаружив, что мы почти пришли, я замедлила шаг и обратилась к Цяохуэй:

– Я всегда желала своей старшей сестре только лучшего. Ты можешь не беспокоиться!

И быстрым шагом вошла в комнату, не дожидаясь ответа Цяохуэй.

Сестра лежала на кровати на боку, а сидевшая на коленях на скамеечке для ног служанка массировала ей ноги. Войдя, я знаком велела служанке молчать и села на стул напротив Жолань. Старшая сестра была действительно красива: даже я бы влюбилась в этот заостренный подбородок и белую гладкую кожу, которая будто искрилась при свете лампы. Пожалуй, если

переместить Жолань в современный мир, то из ее поклонников можно было бы собрать даже не батальон, а целую дивизию.

Сестра открыла глаза и, увидев, что я сижу напротив и разглядываю ее, велела служанке прекратить. Сев спиной на подушки, она с улыбкой спросила:

– Ты становишься все тише и незаметнее, вернулась в молчании. И почему ты так на меня смотришь? Что во мне такого красивого?

– Если уж ты, сестра, некрасива, – ответила я, тоже улыбаясь, – то, боюсь, в этом мире не так уж и много красивых людей.

Служанка налила Жолань воды. Я наблюдала за тем, как сестра сделала пару глотков и вернула стакан, снова слегка прикрывая глаза.

– Только что во дворе я встретила девятого и десятого принцев, – сказала я равнодушно.

Повисла пауза. Жолань поймала мой взгляд и, поняв, что я не собираюсь продолжать, обратилась к сидевшей рядом служанке:

– Скажи всем, пусть идут и приготовят второй госпоже все необходимое для принятия ванны.

Все служанки вышли. Я пересела ближе к сестре и рассказала ей все о том, что случилось этим вечером. Жолань выслушала меня, не проронив ни слова; она застыла, оперевшись взглядом в цветную витражную ширму с изображением бегущих по пастбищу быстроногих коней. Прошло немало времени, прежде чем она заговорила, не удержавшись от вздоха:

– Сестренка, ты и правда выросла! Сейчас ты совсем не похожа на тринадцатилетнюю девочку. Падение с лестницы словно прибавило тебе десять лет.

Именно что прибавило, подумала я.

Вошла служанка и сообщила, что горячая вода и все необходимые принадлежности приготовлены.

– Прими ванну! – Жолань подтолкнула меня к выходу.

Я смотрела на нее, не двигаясь с места. Она тоже смотрела на меня, и ее взгляд был полон скорби и сочувствия.

– Ты выросла, – сказала Жолань, – и думаешь о своей старшей сестре. Я очень этому рада. Но здесь, в моем доме, ты можешь жить, ни о чем не беспокоясь. Шуми и веселись сколько хочешь, только не вытворяй ничего из ряда вон. – Она заправила растрепавшиеся пряди мне за уши и тепло добавила: – Потом... Потом, когда попадешь во дворец, ты захочешь повеселиться... Но уже не сможешь!

Я хоть и смутно, но все же поняла скрытый смысл ее слов, и настроение тут же испортилось. Пробормотав тихое «угу», я побрела за служанкой принимать ванну.

С тех пор на сердце у меня было беспокойно, хотя я и была уверена, что не сказала ничего предосудительного. Однако пролетели три дня, ничего не произошло, и в моей душе постепенно воцарилось спокойствие. Я велела себе впредь быть осмотрительнее в словах и поступках: моя сестра и так не ходила в любимицах, и мне не следовало добавлять ей хлопот.

Около полудня, после дневного сна, я пошла поприветствовать Жолань и справиться о ее самочувствии. Увидев, что все служанки, от молоденьких девушек до старушек, стоят вокруг с радостными лицами, а сестра, наоборот, выглядит подавленной, я не удержалась и спросила:

– Что случилось?

Сестра не ответила, только слегка улыбнулась, но улыбка была неестественной и исчезла, едва появившись. В конце концов мне ответила Цяохуэй:

– Только что приходил слуга от господина и передал, что сегодня вечером господин придет отужинать.

Я не сразу сообразила, что сказать, и потому просто сидела молча. Жолань, видимо, решила, что я испугалась, поэтому с улыбкой произнесла:

– Ничего серьезного, просто ужин. – Она обернулась к Дунъюнь и распорядилась: – Подготовь второй госпоже подобающий наряд. Хотя сегодня вечером состоится самый обычный семейный ужин, это будет первая встреча второй госпожи с господином, и все правила должны быть неукоснительно соблюдены.

Я ничего не понимала в древних прическах, одежде и макияже, поэтому оставалось лишь сидеть неподвижным манекеном, доверившись хлопочущим служанкам. Однако ничто не мешало мне думать. В сериалах об эпохе Цин, которые я смотрела, восьмого принца всегда представляли смертельным врагом Юнчжэна. Тот, кого сам будущий император Юнчжэн при всей своей ненависти считал достойным противником, наверняка был весьма незаурядным человеком. Я с нетерпением ждала вечера, чувствуя себя так, будто собиралась встретиться с кумиром, да еще и лицом к лицу, в домашней обстановке.

Только когда мой туалет был завершен, я поняла, насколько мучительной была жизнь у женщин прошлого. Завернутая с ног до головы так, что из-под ткани не выглядывал даже крошечный участок кожи, я мало чем отличалась от цзунцзы⁶. Как назло, стояло жаркое лето. Впрочем, делать нечего, приходилось терпеть.

Я беспокойно ерзала на табурете. Час ужина давно подошел, но восьмой принц задерживался, и переполнявший меня энтузиазм постепенно затухал. Не в силах усидеть на месте, я встала и выхватила из рук служанки веер, которым тут же начала бешено обмахиваться.

– Разве жара настолько нестерпима? – спросила сестра, нахмурившись.

– Если он сию минуту не появится, – сказала я, – я пойду и сменю платье. Это настоящая пытка!

Не успел затихнуть звук моего голоса, как занавеска дрогнула, и один за другим вошли трое мужчин. Шедшему впереди всех было около двадцати двух или двадцати трех лет. Он был одет в лунно-белый чанпао⁷, подпоясанный изумрудным кушаком с нефритовыми подвесками в тон. Изящно сложенный, с лицом прекраснее драгоценного нефрита и глазами, блестящими, будто звезды, этот человек вызвал у меня восхищение. Хотя восьмой принц и выглядел немного женственным, он, без сомнения, был красавцем.

При взгляде на меня в его глазах мелькнуло удивление, а выражение лица на секунду стало растерянным. Он, однако, тут же справился с собой и обратил взгляд к Жолань, пряча улыбку в уголках губ. Стоило ему появиться, как все находившиеся в комнате служанки согнулись в поклоне, и я поспешно последовала их примеру. Эх, все-таки я пока не привыкла постоянно кланяться.

Восьмой принц с легкой улыбкой помог Жолань подняться.

– Все, распрямитесь! – произнес он и затем, улыбаясь, обратился к моей сестре: – Меня задержали некоторые дела. Нам с девятым и десятым братьями позже нужно будет кое-что обсудить, поэтому мы приехали вместе. Решение было принято впопыхах, и я не успел уведомить тебя.

– Нет никаких поводов для беспокойства, – ответила Жолань, улыбаясь ему в ответ.

После того, как восьмой, девятый и десятый принцы сели, служанки принесли все необходимое для того, чтобы гости могли вымыть руки и протереть лицо. Сестра вышла, чтобы велеть старшему дворцовому еврею подавать блюда. Я осталась стоять, думая про себя: «Сестрица!

⁶ Цзунцзы #кит.###– китайское блюдо, клейкий рис с начинками, завернутый в бамбуковый, тростниковый или любой другой плоский лист.

⁷ Чанпао #кит.###– китайский костюм времен династии Цин, состоящий из длинной рубахи с вырезами по бокам. Его носили как мужчины, так и женщины.

Как ты могла забыть обо мне?» Девятый принц сидел с каменным лицом. В глазах десятого мелькали лукавые искорки; с момента, как вошел, он то и дело посматривал на меня. Восьмой принц улыбался уголками рта. Похоже, он немного устал и теперь отдыхал, прикрыв веки.

Вернулась сестра и с легкой улыбкой произнесла:

– Прошу всех к столу.

Восьмой принц кивнул и только тогда полностью открыл глаза.

– Ты, наверное, Жоси? – спросил он, с улыбкой глядя на меня. – Слышал, в последнее время тебе нездоровилось. Теперь тебе лучше?

– Намного, – ответила я.

– Ты только-только поправилась, – продолжил он со смешком. – Не стой, присаживайся! Я бросила взгляд на сестру и, не дождавшись от нее никакой реакции, села.

За ужином восьмой принц время от времени, улыбаясь, перебрасывался с Жолань парой фраз. Девятый принц молча ел, а десятый, видимо, из-за того, что я как раз сидела наискосок от него, поглядывал на меня с веселым прищуром, с удовольствием поглощал яства. Из-за жары мне и так-то не хотелось есть, а от его взглядов и вовсе кусок в горло не лез. Интересно, думала я, можно ли считать, что это от моего вида у него разыгрался аппетит?

Я украдкой огляделась и, убедившись, что никто не смотрит, подняла глаза и свирепо уставилась на десятого принца. Тот продолжал есть и смотреть на меня с довольным лицом, но, внезапно наткнувшись на мой ответный взгляд, застыл от удивления, забыв даже вытащить палочки из рта. Я несколько секунд сверлила его взглядом, находя его лицо глупым и крайне забавным. Улыбнувшись одними губами, я снова опустила голову, чтобы приняться за еду. Боковым зрением заметила, что сестра вместе с восьмым и девятым принцами смотрят на меня. Сердце на секунду замерло; не решаясь больше поднять голову, я быстро проглотила пару кусков и тут же поперхнулась. Повернувшись боком к столу и держась за его край, я зашлась кашлем и замахала рукой, давая понять сестре, что все в порядке. Десятый принц громко расхохотался. Я не осмеливалась смотреть на него. Притворившись, будто все это меня не касалось, я прополоскала рот и продолжила трапезу, чувствуя, как горит лицо.

Когда ужин наконец-то завершился, восьмой принц, посидев с минуту, поднялся из-за стола одновременно с девятым и десятым принцами.

– Оставить ли для господина дверь незапертой на ночь? – спросила стоящая у порога пожилая служанка.

– Не нужно, – равнодушно ответил восьмой принц.

Дождавшись их ухода, я в нетерпении вскочила и закричала Цяохуэй, чтобы та немедленно помогла мне переодеться.

– И почему тебе так жарко? – со смехом спросила Жолань и начала обмахивать меня веером. – Мы все отлично себя чувствуем.

Я только хихикала в ответ. Вы все с детства привыкли заматываться, словно цзунцзы, я же обычно проводила лето в коротеньких сарафанах.

Восьмой принц и остальные ушли, чему мы с сестрой были несказанно рады. Прислуга, однако, не разделяла наших восторгов. Немного поразмыслив, я все поняла, но, видя, что Жолань осталась безучастной, перестала об этом думать.

Глава 2

Здесь бывали с тобою. Скажи, отчего не судьба нам вернуться вдвоем?

Я сидела под большим деревом неподалеку от озера и читала поэзию эпохи Сун. Вчера я специально попросила у сестры именно сунские цы⁸, потому что раньше всегда выбирала их для заучивания, и поэтому, читая и одновременно вспоминая выученное, я могла узнать немало традиционных иероглифов.

Странно, подумалось мне, в современном мире я усердно училась на протяжении шестнадцати лет и считала себя образованной девушкой, но, попав в прошлое, почувствовала себя полуграмотной.

Позавчера, по причине того, что евнух, ответственный за нашу почту, отсутствовал, я рискнула сама прочесть сестре письмо. Однако больше половины иероглифов было мне незнакомо. Я так и не дочитала письмо. Жолань лежала на кровати и слушала, как я постоянно бормочу «что-то... что-то...».

– Ты сказала, что хочешь прочитать мне письмо, – сказала она, смеясь. – И я подумала, вдруг за то время, что мы не виделись, ты чему-то научилась. Это действительно так – ты научилась заменять словом «что-то» все незнакомые иероглифы!

Сестра так смеялась, что могла говорить только урывками, и на эти несколько фраз у нее ушло очень много времени. Я сидела, сгорая от стыда. Нет, это никуда не годится, я должна избавиться от своей репутации недоучки и непременно стать образованной девушкой!

Вспомнив об этом, я не удержалась и посмеялась над собой. Как хорошо, что я попала в тело этой девочки, ведущей беззаботную жизнь, не испытывающей недостатка в еде и одежде, а то переродилась бы в теле какой-нибудь бедняжки, умирающей от голода и не имеющей сил даже поднять руку.

Чтение утомило меня. Я немного посидела, любуясь видом, но вскоре заскучала. Примитив ползающих в траве муравьев, я вспомнила, как в детстве разоряла муравейники, и пришла

⁸ Цы #кит,##– жанр китайской поэзии, характеризующийся сочетанием строк разной длины, причем допускаются самые разные их комбинации. Стихотворения этого жанра обычно состоят из двух строф.

в восторг. Подобрав с земли небольшую ветку, я преградила одному из муравьев путь. Стоило ему сделать пару шагов, я раз за разом разворачивала его обратно.

Я так увлеклась игрой, что не сразу услышала возле своего уха чье-то учащенное дыхание: десятый принц сидел на корточках возле меня и тоже наблюдал за муравьями. Спустя миг я обнаружила рядом еще пару сапог. Подняв глаза выше, я встретила взглядом с их обладателем – восьмым принцем. Он улыбался, но весьма натянуто. Я торопливо вскочила на ноги и приветствовала их обоих.

Десятый принц лениво поднялся с земли и со смехом обратился к восьмому:

– Посмотрите на эту плутовку! А я еще думал, будто в ней есть нечто особенное! Похоже, я был о ней слишком высокого мнения.

Я стояла, повернувшись к восьмому принцу, и не решалась достойно ответить. Только подумала про себя: вот уж чье мнение обо мне интересует меня меньше всего, так это твое, десятый.

– Читаешь сунские цы? – спросил, улыбаясь, восьмой принц.

– Да! – ответила я, бросив взгляд на книгу, валявшуюся в траве.

Десятый принц не преминул вклиниться в разговор: – Да за муравьями она наблюдает, а книгу взяла для вида, притворяется, будто читает, только и всего.

Я повернула к нему голову. На вид ему было около семнадцати-восемнадцати, но рядом со мной он чувствовал себя взрослым дядюшкой.

– Разве тебе незнакомы строки «Мир видеть в чашечке цветка, найти у древа просветление»?⁹ Я наблюдаю за муравьями, но смотрю вовсе не на них.

Десятый принц – тюфак ошеломленно застыл, не зная, что ответить, и перевел взгляд на восьмого.

– Похоже, десятый, тебе стоит больше времени уделять учебе! – заметил со смешком восьмой принц, кивая, и вновь обратился ко мне с вопросом: – Ты читаешь сутры?

– Я лишь слушала, как их читает сестра, только и всего, – поспешно ответила я.

Восьмой принц улыбнулся и устремил взгляд в сторону озера.

– Она действительно много читает, – произнес он спустя какое-то время.

Я задумалась, глядя на его лицо, по которому нельзя было понять, о чем он на самом деле думает.

– Ей хочется лишь мира и покоя, – сказала я безразличным тоном.

Он ничего не ответил. Его взгляд был все так же устремлен к глади озера, и улыбка не покидала его губ.

Десятому принцу показалось, что прошла уже целая вечность. Разговоры, в которых он не мог вставить свое веское слово, были ему неинтересны. Подобрав лежавшую на земле книгу, он спросил:

– Ты знаешь все эти иероглифы?

Я поймала его вызывающий взгляд, и мне жутко захотелось сказать «да, знаю», но я не стала спорить с фактами:

⁹ – #— ###— #— ## (#Весь мир – в одном цветке, и каждое дерево может стать деревом бодхи (деревом, под которым Будда Гаутама обрел просветление)») – цитата из буддийского канона, смысл ее заключается в том, что тайны мира заключены в самых обычных вещах.

– Зна... комы! Они знают меня, а я не знаю их, но мы сейчас как раз знакомимся друг с другом.

Он снова разразился хохотом. Не знаю почему, но задиристость десятого принца каждый раз вызвала во мне раздражение, и я начинала без раздумий говорить все, что приходило в голову.

– И как же ты знакомишь себя с ними и их значением? – спросил, смеясь, восьмой принц.

– Отгадываю! – выпалила я.

Десятый принц воскликнул, не переставая смеяться:

– А так можно? В таком случае нам всем больше не нужны учителя: мы можем сами отгадывать значения иероглифов.

Восьмой принц вздохнул и покачал головой, но на его губах сияла улыбка.

– Пойдем, – сказал он и пошел вперед.

Десятый принц торопливо бросил книгу мне в руки и поспешил вдогонку. Пройдя несколько шагов, он обернулся:

– Мы собираемся в другое поместье на конную прогулку, поедешь с нами?

Услышав его слова, я ощутила сильное волнение. Я еще ни разу не выходила за ворота с тех пор, как попала сюда!

– Мне правда можно пойти? – спросила я немного заискивающим тоном, подбегая к нему. – А что скажет моя сестра?

– Почему же нельзя? Найдем тебе послушную старую кобылу, и, если не погонишь ее слишком быстро, все будет в порядке. А что скажет твоя сестра, меня не волнует, – ответил десятый принц.

Он снова начал задаваться, и мне захотелось парировать какой-нибудь колкостью; но я помнила, что возможность выйти за ворота на дороге не валяется, поэтому оставалось лишь... терпеть.

Казалось, он шел небыстро, но мне приходилось почти бежать, чтобы не отставать. Я притворилась, будто мне в голову только что пришла чудесная идея, и сказала:

– Должно быть, сестра послушает господина восьмого бэйлэ.

– Тогда иди и сама скажи восьмому брату! – ответил он, глядя на меня.

Мне казалось, что я слышу собственный скрежет зубовой. На этого десятого где сядешь, там и слезешь! Так важничает, хотя всем, что у него есть, он обязан другим!

– Ты меня позвал, и ты должен позаботиться обо всем, иначе я никуда не пойду! – произнесла я сердито.

Он покосился на меня с видом «не хочешь – не надо». Я развернулась, собираясь идти обратно, и он поспешно схватил меня за руку:

– Ладно, ладно! Я скажу ему, хорошо!

Только тогда я улыбнулась и, сбросив его руку, поспешила за ним.

Восьмой принц был весьма удивлен тем, что я пришла вместе с десятым. Не дожидаясь, пока брат откроет рот, мой спутник торопливо сказал:

– Восьмой брат, я увидел, как скучно девчонке сидеть в поместье, и решил взять ее с нами покататься.

– Взял – так поехали! – легко улыбнулся восьмой принц.

Когда мы подошли к воротам, слуги объявили, что повозка готова. Восьмой принц забрался в повозку первым, десятый запрыгнул следом. Подошел один из слуг и, опустившись

на колени, подставил мне спину. Если бы в современном мире мне нужно было преодолеть высоту повозки, я бы справилась с этой задачей не раздумывая и легко; но сейчас, замотанная в ткань, словно цзунцзы, я едва могла передвигаться, и мне действительно требовалась помощь. Однако коленопреклоненному слуге было всего двенадцать-тринадцать лет, его лицо было совсем детским, и я смотрела на его подставленную спину, не решаясь поставить на нее ногу.

– Что ты там копаешься? – закричал из повозки десятый принц.

К счастью, здесь был еще восьмой принц. Будто разгадав причину моего замешательства, он бросил на меня странный взгляд, а затем протянул мне руку. Я облегченно вздохнула, велела мальчику-слуге отойти в сторону и, схватив протянутую руку, забралась в повозку.

– Сколько с тобой возни! – воскликнул десятый принц, тем не менее двигаясь вглубь повозки, чтобы я могла сесть рядом.

Я села ближе к окошку и выглянула наружу. По обеим сторонам улицы тянулись ряды торговых лавок, по мостовой сновало множество людей. Но, едва увидев повозку, прохожие тут же прижимались к обочинам, пропуская ее, поэтому, несмотря на толпу, мы ехали не так уж и медленно. Продолжая смотреть в окошко, я тихонько вскрикнула, но затем, кое-что осознав, просто покачала головой.

Десятый принц высунулся в окно и посмотрел по сторонам, затем втянул голову обратно и с недоумением спросил меня:

– Что ты там увидела?

Я удивленно застыла, но потом ответила со смехом: – Не скажу. – И снова устремила взгляд за окно.

Некоторое время он злобно сверлил меня взглядом, а затем сделал вид, что ему до меня нет дела. Впрочем, это длилось недолго. Не выдержав, десятый снова спросил:

– Отчего ты только что вскрикнула?

Я не обратила на него никакого внимания и продолжала смотреть прямо перед собой. И только когда десятый принц начал толкаться, я сказала:

– Могу рассказать, но только если ты дашь мне кое-что взамен.

– Я всего лишь спросил тебя о том, что ты там увидела, и за это еще должен дать тебе что-то взамен? – воскликнул он в изумлении.

– Все совсем не так. Я увидела что-то интересное, и если ты хочешь узнать, что это, то, конечно, я расскажу, но ты должен что-то дать мне взамен. Разве ты не платишь уличным рассказчикам, слушая их истории?

Договорив, я вновь отдернула занавеску и стала смотреть в окно. Прошло немного времени, и я почувствовала посторонний предмет в своей ладони. Это оказалась банкнота.

– Теперь расскажешь? – спросил десятый принц.

– Ха! – Я швырнула банкноту ему обратно.

– Тогда чего ты хочешь?

Я просто развлекаюсь, подумала я, на самом деле не зная, чего попросить. И вдруг вспомнила роман «Меч небес и сабля дракона»¹⁰. С улыбкой я проговорила:

– Я пока не придумала, чего хочу, поэтому давай сделаем так: ты пообещаешь потом исполнить одно мое желание. – Он собирался что-то сказать, но я опередила его: – Разумеется, мое желание не будет невыполнимым. Кроме того, разве сложно сыну императора исполнить просьбу обычной девчонки?

Он явно был недоволен, но в конце концов с улыбкой согласился:

– Хорошо, я обещаю выполнить твоё желание.

¹⁰ «Меч небес и сабля дракона» (кит. #####) – роман в жанре уся (приключенческий жанр китайского фэнтези, в котором делается упор на демонстрацию восточных единоборств) автора Цзинь Юна, выпущенный в 1961 году.

– Не забудь об этом! – Я хлопнула в ладоши. – У меня есть свидетель.

Восьмой принц все это время сидел молча, опустив веки. Услышав мои слова, он открыл глаза, бросил взгляд на десятого, затем на меня и засмеялся:

– Я запомнил, можешь рассказывать!

Я прочистила горло и начала:

– Хотя на улице полно народу, мы движемся плавно и размеренно. Прохожие расступаются, издали завидев повозку, хотя никто не объявлял им о том, что в ней сидят господа бэйлэ. Это удивило меня, и я даже вскрикнула, подумав: как такое может быть?

– А почему ты покачала головой?

– Затем я стала рассуждать: в такой повозке не может ехать обычный человек, и подданные императора, простой народ, это прекрасно знают, поэтому пропускают повозку, даже не зная точно, кто в ней сидит. А что касается того, что я покачала головой, то я всего лишь подумала о том, что превратилась в лису.

– В лису? – Десятый принц с подозрением покосился на меня и перевел взгляд на восьмого принца.

– Лиса пользуется могуществом тигра¹¹, – со смехом объяснил восьмой принц. Десятый принц издал короткий смешок, но тут же одернул себя и сердито закричал:

– Вот оно что! И я обменял обещание сына императора Великой Цин на это!

Глядя на его раздосадованное лицо, я не удержалась и засмеялась, опустив голову. Когда я подняла глаза, то увидела, что восьмой принц тоже смотрит на десятого и улыбается. Правда, сейчас его улыбка была совсем не такой, как раньше, и я пристально посмотрела на него, пытаясь понять, что именно изменилось. Восьмой принц взглянул на меня в ответ, и его взгляд столкнулся с моим, любопытным и изучающим. Я даже не вспомнила о различиях в нашем социальном положении и не подумала отвести глаза, продолжая внимательно рассматривать его лицо. Некоторое время мы оба безмолвно изучали друг друга. В конце концов я не выдержала и первой опустила голову, подумав о том, что такое случилось со мной впервые. Я прежняя могла смотреть в упор на мальчиков из моего класса, и ни один из них ни разу не осмелился взглянуть мне прямо в глаза. Ну что ж, неудивительно: принц с малых лет привык ко всевозможным уловкам.

Когда мы добрались до другого поместья, десятый принц велел слугам выбрать для меня лошадь, но каждое предложение встречал ворчанием:

– Нет, эта не годится, слишком большая! У этой зубы еще слишком мелкие¹², характер пока неясен.

Бедный конюх не знал, что делать, его лоб покрывала испарина.

– Приведите Линлун, – спокойно велел восьмой принц.

У конюха словно камень с души свалился, и он, вытерев пот со лба, отправился за лошадью.

К большой конюшне была пристроена еще одна, поменьше, и в ней находилась всего одна лошадь. Прекрасная, вороная с ног до головы, с одним лишь снежнобелым пятном прямо

¹¹ Лиса пользуется могуществом тигра #кит.#####– китайская поговорка, означающая «пользоваться чужим авторитетом, запугивать других авторитетом своего покровителя».

¹² По размеру зубов можно определить возраст животного. Зубы маленького размера означают, что лошадь молодая и еще неизвестно, какой у нее нрав.

посередине лба, она спокойно ела сено в полном одиночестве. Я не знала, насколько ценной была эта лошадь, но, судя по тому, что ей отвели президентский люкс, стоила она немало.

– Тебе ужасно повезло, что восьмой брат позволил покататься на Линлун, – улыбнулся десятый принц.

Я вымученно улыбнулась в ответ. Покидая дом, я думала, что поездка будет веселой и увлекательной, но сейчас, глядя на лошадь, я представляла себе лошадиные копыта, бьющие меня в живот. Осторожно подойдя к Линлун, я встала перед ней в пяти шагах, не решаясь двинуться дальше.

– Ты едешь или нет? – в нетерпении крикнул десятый принц.

– Да не беспокойся ты, езжай! – закричала я в ответ. – Что ты за мной следишь?

Но он не тронулся с места, ожидая меня.

Восьмой принц к тому времени уже успел проехать целый круг. Заметив, что мы оба все еще возимся у конюшни, он развернул коня и подхлестнул его, направляясь к нам.

– Лошади нужны, чтобы на них ездить, а не смотреть, – произнес он с легкой улыбкой, видя, что я сверлю лошадь взглядом.

– Я не умею ездить верхом, – ответила я, выдавив ответную улыбку.

Восьмой принц так оторопело посмотрел на меня, будто я сказала нечто несусветное. Выражение его лица заставило меня замереть от страха. Неужели бывшая владелица этого тела умела сидеть верхом? Пока я в панике пыталась придумать какое-то объяснение, лицо восьмого принца вновь приобрело самое обыкновенное выражение. Его задумчивый взгляд был устремлен куда-то вдаль, будто он погрузился глубоко в свои мысли.

Десятый принц, сидя верхом на коне, хохотал во все горло, держась за живот:

– Посмотрите на нее, разговоров-то было, а сама даже ездить верхом не умеет! Ты вообще маньчжурка? Чему твой отец тебя учил?

Залившись румянцем, я промолчала и отошла в сторону, сердито подумав про себя: в том, что я не умею ездить верхом, нет ничего сверхъестественного, ведь я никогда и не была маньчжуркой!

Восьмой принц снова перевел взгляд на меня и равнодушно произнес:

– Ничего страшного, если ты не умеешь ездить верхом. Хочешь покататься – попроси кого-нибудь вести лошадь под уздцы, и так проедешь несколько кругов.

Договорив, он одним взмахом хлыста послал коня в галоп, и тот помчался быстрее молнии. Всадник, несмотря на свое довольно хрупкое телосложение, выглядел гордым и воинственным, что совсем не вязалось с его характером.

Десятый принц спешил и, приказав конюху держать его коня, помог мне сесть на спину Линлун. Тронутая тем, как аккуратны и точны были его действия, я хотела сказать ему спасибо, но тут он вскочил на собственного коня и вздохнул, глядя на Линлун:

– Как жаль растрачивать попусту такую красоту! Благородная быстроногая лошадь, а сидит на ней полная тупица!

Мое произнесенное спасибо застряло в горле. Убедившись, что он держит поводья в руке, я внезапно выхватила хлыст и огрела его лошадь по крупу. Конь тут же рванул с места, и всадник, застигнутый врасплох, не удержался от громкого крика. Его тело болталось в седле, но я за него не беспокоилась: десятый принц был маньчжуром, а значит, вырос на лошадиной спине, как и весь его народ, поэтому такой мелочью его было не напугать.

И в самом деле, он умудрялся одновременно управлять конем и, то и дело оборачиваясь, осыпать меня ругательствами. Я держалась за живот, еле живая от хохота, и корчила ему рожи. Поглядите-ка на него, он еще осмеливается передо мной выпендриваться!

Восьмой принц, издали услышав смех и ругань, обернулся: что за веселый хаос мы устроили? Конь под ним, впрочем, продолжал мчаться, не снижая скорости. Выражение лица

восьмого принца было не разобрать; было видно лишь, как его чанпао вздымается и опадает под потоком встречного ветра.

Возвращалась домой я в приподнятом настроении. Пусть мне и не удалось покататься верхом по-настоящему, я все же смогла выбраться из поместья и немного развеяться и теперь чувствовала себя настолько прекрасно, что мое хорошее настроение было заметно невооруженным глазом. Всю обратную дорогу мы с десятым принцем провели в шуточных перебранках, тогда как восьмой, судя по всему из-за усталости, сидел опустив веки. Порой лучи заходящего солнца, проникая сквозь тонкую ткань занавески, падали на его лицо, и в эти моменты его кожа сияла, будто самоцвет. Воистину, подумала я, в этом мире всегда найдется кто-то, кто лучше тебя во всем. Взять восьмого принца: он из хорошей семьи, богат и красив – идеальный пример человека, у которого в жизни все прекрасно.

Дома я восторженно рассказала сестре о нашей конной прогулке. Выведав у нее, что настоящая Жоси действительно не умела ездить верхом, я почувствовала, что у меня с души свалился камень.

Восьмой принц заблаговременно отправил к Жолань слугу с сообщением о том, куда мы направляемся, поэтому сестра меня не упрекнула. Однако выглядела она неважно, словно потеряла часть былой красоты; но я решила, что, раз мне было весело, эта поездка определенно того стоила. Хотя на самом деле волнение сестры выглядело странно. Двое принцев взяли меня с собой на прогулку – какая беда могла со мной случиться? Похоже, Жолань была не против, чтобы я съездила развеяться, но при слове «верхом» она тут же изменилась в лице. Неужели она считает, что езда верхом – недостойное занятие для девушки? Или же боялась, что я могу упасть с лошади и покалечиться?

После той конной прогулки десятый принц стал постоянно навещать меня.

Долой неграмотность, решила я и начала упражняться в каллиграфии. Эх! Ничто не доставляло мне столько мучений, и лучше бы написанные мной иероглифы никто никогда не видел. Невозможно сосчитать, сколько раз десятый принц насмеялся надо мной; но если поначалу у меня от смущения краснели даже уши, то сейчас я с невозмутимым лицом сносила все подколки. Впрочем, в основу наших отношений мы положили принцип «не забуду и не прощу».

Как-то я спросила у него, как пишутся иероглифы «дальний угол»¹³, и он затруднился с ответом. Мы немного подшутили друг над другом и перестали. И если я и добила каких-то успехов, то только в том, что наша с десятым принцем дружба, шумная и полная перебранок,

¹³ Иероглифы этого словосочетания выглядят так:###то есть они состоят из одинаковых элементов, и очень легко забыть порядок, в котором они пишутся.

крепла день ото дня. Цяохуэй даже говорила: «Если молодая госпожа перестанет колоть десятого господина острым словцом, ему станет ужасно скучно».

Я тайком посмеивалась: ну надо же, он вздумал бороться со мной! Однако постепенно он перестал казаться мне таким уж тюфяком. Пусть он был бесхитростным и прямолинейным, недостаточно образованным, неотесанным, импульсивным и порой бесцеремонным, я все же чувствовала, что он похож на моих друзей из современного мира. Мне не приходилось догадываться о том, что у него в голове. Все эмоции были написаны на его лице, и я тоже могла при нем прямо выражать собственные радость и печаль.

Положив локти на стол, я написала еще несколько иероглифов и почувствовала, что больше не могу и лучше отложить кисть. Сквозь занавес из бус смутно виднелся силуэт сестры: она слушала одного из евнухов, затем взмахнула рукой, и евнух тут же удалился.

– Сегодня вечером господин бэйлэ собирается отужинать с нами, – сказала мне сестра, едва я вышла из комнаты и велела служанке подать чай.

– Десятый принц тоже придет? – спросила я, сделав глоток.

– Не знаю, – ответила Жолань. – Трудно сказать.

Она внезапно замолчала, а через некоторое время отослала всех служанок и села рядом со мной. Что-то было не так, но я могла лишь гадать, о чем думает Жолань. Сестра молча смотрела на меня, явно желая что-то сказать и не решаясь. В конце концов я не выдержала:

– Сестрица, неужели между нами есть что-то, о чем мы не можем поговорить друг с другом?

Жолань кивнула, видимо, приняв какое-то решение, и спросила в лоб:

– У тебя есть интерес к десятому принцу?

– А? – Изумленная, я поспешила добавить – Чего? Мы просто веселимся, вот и все.

Сестра внимательно взглянула мне в лицо и, убедившись, что я не притворяюсь, вздохнула с облегчением.

– Не интересуешься им – и славно! – И сразу продолжила, уже строгим тоном: – Хотя у нас, маньчжуров, по сравнению с ханьцами¹⁴ не так много правил, девушки вроде тебя все-таки должны соблюдать меру.

Меня это разозлило и рассмешило одновременно. Разозлилась я потому, что, похоже, тот факт, что я всего лишь перебросилась с кем-то парой фраз и несколько раз встретилась с ним у всех на виду, означал, что я собираюсь сделать что-то постыдное. А смешно мне стало оттого, что сейчас Жолань напомнила мне одну учительницу из средней школы, которая как-то решила обсудить со мной проблемы подростковой любви.

Когда прибыл восьмой принц, мы с Цяохуэй играли в ласточку¹⁵ во дворе. Мне удалось подбросить ногой волан чуть меньше сорока раз, а мой рекорд был как раз сорок.

Мне очень хотелось побить это достижение, поэтому я притворилась, что не заметила принца, и продолжила свое занятие. Цяохуэй и другие служанки хотели поприветствовать гостя, но он приложил палец к губам, и всем пришлось замереть на месте, наблюдая, как я подбрасываю волан.

Сорок пять, сорок шесть, сорок семь...

¹⁴ Хань #кит.### – этническая группа сино-тибетской языковой семьи, является крупнейшей народностью в Китае. Говоря «ханьцы», Жолань подразумевает именно китайцев.

¹⁵ Игра в ласточку #кит.#### – игра, напоминающая современную игру в соке. Играющие в ласточку стараются подбросить ногой волан как можно большее количество раз, не уронив его.

Эх! В конце концов я не выдержала этой давящей атмосферы и остановилась. Сделав вид, будто только заметила восьмого принца, я поспешно поприветствовала его, и все находившиеся во дворе служанки одна за одной согнулись в поклоне.

– Ты здорово играешь в ласточку! – с улыбкой похвалил меня принц.

Я молча улыбнулась ему в ответ, подумав про себя: ну ты и лицемер! Здешние служанки умеют отбивать волан чуть ли не любой частью своего тела, тогда как я могу делать это лишь правой ногой. Разве можно назвать мои жалкие успехи словом «здорово»?

Служанки откинули занавеску, и восьмой принц первым вошел внутрь. Я последовала за ним, не забыв обернуться к Цяохуэй со словами: «Запомни – сорок семь!» Войдя, я едва не наткнулась на принца. Жолань, опустив голову, помогала ему засучить рукава. Я огляделась по сторонам и, не зная, куда себя деть, застыла, глядя на эту пару.

Закончив с рукавами, сестра подняла взгляд. Заметив, что я смотрю на них двоих в упор, она покраснела и произнесла:

– И чего ты застыла?

Только тогда я осознала, что что-то делаю не так. Мое лицо горело, когда я отвела взгляд и сконфуженно ответила:

– Я не знаю, что следует делать, вот и застыла.

– Здесь так много стульев и ты не знаешь, что делать? – рассмеялся восьмой принц.

Мне пожаловали место, подумала я и поспешно села на один из стульев.

– Вымой руки и готовься к ужину, – сказала мне сестра.

Когда мы закончили трапезу и прополоскали рты, служанки убрали со стола и подали чай.

Я вспомнила о том, что в прошлый раз восьмой принц хотя и отужинал с нами, но очень быстро ушел. Судя по тому, что сейчас он сидел за столом, никуда не торопясь, он собирался сегодня остаться в поместье на ночь. Голос принца выдернул меня из задумчивости:

– Через несколько дней десятый брат отпразднует свой семнадцатый день рождения. Это не такая большая дата, поэтому во дворце не планируется устраивать большое празднество. Однако мы, как старшие братья, хотим хорошенько отметить этот день в узком кругу. У десятого брата еще нет собственного поместья, поэтому я, хорошо все обдумав, принял решение праздновать здесь, у себя.

– У меня нет опыта в подготовке подобных празднеств, – подумав, сказала сестра. – Стоит спросить совета у главной супруги.

– Ей сейчас нездоровится, – ответил принц, выпив глоток чая. – Кроме того, это желание самого десятого брата.

– В таком случае я все сделаю, – пообещала сестра, бросив на меня взгляд.

– Мы соберемся узким кругом, и тебе не придется излишне напрягаться. Мы лишь хотим немного повеселиться, и все, – медленно проговорил принц.

– Удостоит ли нас господин наследный принц своим присутствием? – поинтересовалась Жолань.

– Мы обязательно отправим ему приглашение, а придет он или нет – сложно сказать.

Сестра кивнула и больше не произнесла ни слова.

Жолань хлопотала за столом в полном молчании. Восьмой принц тоже не открывал рта, лишь сидел и смотрел прямо перед собой. Я подняла чашку, собираясь сделать глоток, и тут же опустила ее, обнаружив, что уже все выпила. Подошла служанка, намереваясь наполнить мою

чашку, но я жестом отослала ее прочь. Ощувив, что в воздухе сгущается некое напряжение, я встала и сухо произнесла:

– Если у господина бэйлэ нет никаких распоряжений, Жоси просит разрешения откланяться.

Восьмой принц поднял руку, и сестра торопливо спросила:

– Так рано идешь спать?

– Не спать, – ответила я с улыбкой, – а упражняться в каллиграфии.

– Сразу после ужина заниматься каллиграфией? Это может вызвать несварение! – возразила сестра.

Если мне нельзя уйти сейчас, подумала я, то остается лишь выдавить пару фальшивых улыбок и сесть обратно за стол. Я поманила рукой служанку, веля ей налить мне чаю. Восьмой принц наблюдал за нами, пряча улыбку в уголках губ.

Даже я разгадала замысел сестры, а он и подавно не мог не понять, чего она добивалась. Мне, впрочем, было неясно, опечалило ли его это, и я бросила размышлять.

Молчание, молчание, постоянное молчание!

Мое умение держать себя в руках и сохранять невозмутимость не шло ни в какое сравнение с умениями этих двоих. Я была просто не в состоянии это вынести, поэтому вскочила на ноги и предложила:

– Давайте сыграем во что-нибудь!

– Я не умею, – покачала головой сестра.

Я взглянула на восьмого принца. Тот кивнул и приказал стоявшей поблизости служанке:

– Принеси вэйци!¹⁶

– Я не умею играть в вэйци, – торопливо сказала я. – Давайте сыграем в сянци!¹⁷

Теперь уже восьмой принц покачал головой:

– В сянци не умею играть я.

Я только и смогла выдавить короткое «а-а». Не зная, как поступить, я вновь приземлилась на сиденье стула.

Молчание, молчание, снова молчание!

Тяоци¹⁸, цзюньци¹⁹, покер, солдаты и разбойники²⁰, рыцари и бессмертные даосы... Я поняла, что ни одна из моих идей не поможет разрешить нынешнюю ситуацию, и вернулась к самой первой мысли:

– Давайте сыграем в вэйци!

– Разве ты не говорила, что не умеешь? – удивленно спросил восьмой принц.

¹⁶ Вэйцй #кит.###– китайская настольная игра в облавные шашки, в Японии известна под названием «го». Игроки, используя камни черного или белого цвета, стараются окружить камни противника, не давая им выстроиться в большие фигуры.

¹⁷ Сянци #кит.###– китайская настольная игра, напоминающая шахматы.

¹⁸ Тяоцй #кит.###– китайские шашки, больше всего похожие на классические.

¹⁹ Цзюньцй #кит.###– военные стратегические шашки.

²⁰ Аналог казаков-разбойников.

– А разве я не могу научиться? – задала я встречный вопрос, не менее удивленная. – Кто может похвастаться тем, что с рождения умеет все?

– Жоси! – В тоне сестры слышалось предупреждение.

Я пала духом. Ну и скукотища! И почему здесь нельзя и слова сказать, не подумав сперва о своем положении?

Восьмой принц ненадолго задумался, и усмешка, притаившаяся в уголках его губ, вдруг превратилась в улыбку, осветившую все его лицо.

– Хорошо! – воскликнул он.

Мои глаза будто заволокло туманом. Я вспомнила, как тогда в повозке он, улыбаясь, смотрел на меня, и внезапно поняла, что мне показалось странным – его взгляд. В тот раз его глаза тоже улыбались, хотя обычно, даже если на его губах играла улыбка, взгляд оставался холоден.

Сейчас его глаза лучились. Мое настроение вдруг улучшилось, и я улыбнулась в ответ.

Восьмой принц кое-как растолковал мне правила и, добавив, что продолжит обучать меня во время игры, отдал мне право первого хода, позволив играть белыми.

В детстве я была полна решимости стать одной из тех невероятно одаренных девушек, что имели способности ко всем четырем искусствам – игре на музыкальных инструментах, шахматам, каллиграфии и живописи, и действительно пролистала самоучитель по игре в вэйци. Но в старшей школе из-за учебы стало не до того, да и интерес угас, поэтому я скоро забросила эту мудреную игру и переключилась на покер, более простой и понятный.

Я вспомнила высказывание «золотой угол, серебряный край и соломенный живот»²¹ и тут же нашла свободный угол для своего камня. Сестра сидела рядом и наблюдала за моей игрой. Сперва я хотела, чтобы Жолань тоже научилась, но, поскольку она не проявляла особого интереса, скоро забыла о ней и полностью погрузилась в игру.

Спустя какое-то время вся доска была почти сплошь покрыта черными камнями.

– Господин бэйлэ не поддается мне? – спросила я с тоской.

– С чего ты взяла, что я не поддаюсь? – задал он встречный вопрос.

– Если уж вы сейчас поддаетесь, то что будет, когда перестанете... – протянула я с кислой физиономией.

– Продолжим игру? – предложил он.

– Продолжим! – с готовностью поддержала я.

Раз уж я все равно проиграла, хотя бы постараюсь выйти из боя с наименьшими потерями, отрывая от сердца каждый камень – пусть черные едят! Я охраняла два угла, напрягая мозги в попытках нашарить хоть какие-то обрывки воспоминаний о тактике. Не знаю почему – то ли метод, который я вспомнила, сыграл свою роль, то ли восьмой принц все-таки поддался, – мои камни в тех двух углах остались в живых.

– Ты когда-нибудь училась играть в вэйци? – спросил восьмой принц, обводя взглядом доску.

– Наблюдала за тем, как играют другие, – ответила я. – Знаю совсем немного. А что?

Он игриво взглянул на меня:

²¹ Золотой угол, серебряный край и соломенный живот (кит.# #####) – фраза, которая призвана напомнить игроку в вэйци (го) о том, что самые важные точки на доске («золотые») – это углы, края доски тоже играют роль, но не такую важную («серебряные»), а точки в середине доски («живот») являются наименее ценными («соломенные»).

– Ничего. Однако прием «пожертвовать малым ради великого» тебе известен, и ты не стала делать бессмысленные ходы, которые привели бы лишь к путанице. Неплохо!

Я ничего не ответила, только улыбнулась.

Время было уже позднее, и я подумала, что восьмой принц обязательно останется сегодня на ночь.

– Жоси откланивается! – объявила я, вставая из-за стола.

Восьмой принц кивнул в знак согласия. Сестра тоже не стала меня задерживать, лишь поднялась и велела служанке принести мне горячей воды. Я поклонилась, сложив руки, и вышла.

Я сладко проспала всю ночь. А когда проснулась, небо было совсем светлым. Я подумала, что господин бэйлэ, должно быть, уже отправился во дворец, и позвала служанку, чтобы помогла мне с утренним туалетом. Приняв надлежащий вид, я пошла проведать сестру и застала ее сидящей будто в оцепенении, с устремленным за окно взлядом. Я присела рядом, вспоминая вчерашний вечер. Мне тоже было грустно.

– О чем ты думаешь? – спросила сестра через некоторое время, не поворачивая головы.

Я села ближе, прижавшись к ней, и ответила вопросом на вопрос, легонько потянув ее за плечо:

– А о чем думаешь ты, сестра?

Она промолчала, продолжая смотреть в окно. Прошло некоторое время, прежде чем она произнесла:

– Ни о чем.

Вот и весь разговор. Положив подбородок на плечо Жолань, я тоже стала смотреть в окно. Мы вдвоем долго сидели так; затем сестра собралась с духом и сказала с улыбкой:

– Я собираюсь в семейный храм, а ты выйди и прогуляйся. Не стоит скучать в четырех стенах.

Я кивнула и позвала Цяохуэй, чтобы именно она сопровождала меня на прогулке. Она находилась при сестре с самого детства, поэтому, должно быть, знала о Жолань все. Сегодня я собиралась помериться хитростью с этой служанкой: я была просто обязана вызнать у нее все о личных делах сестры.

Сперва я думала, что мне придется хитрить, угрожать, а то и вовсе устроить целый хунмэньский пир²², чтобы хорошенько прошупать почву. Я и предположить не могла, что стоит мне бросить пару фраз, содержащих очевидный намек, как Цяохуэй тут же примется рассказывать. По ее словам, она поделилась этим только потому, что мой характер сильно изменился в лучшую сторону, да и сообщила мне не самые существенные детали, но я видела: она хочет, чтобы я как-то повлияла на сестру.

– До замужества госпожа была очень близка с одним из офицеров под началом старшего господина, ее отца. Тот офицер и обучил госпожу ездить верхом. Хотя он был ханьцем, он отлично держался в седле – во всей армии не нашлось бы человека, который бы не слышал о нем и его искусстве. Но потом госпожу отдали замуж за господина бэйлэ. Первое время все было хорошо, хотя госпожа почти не улыбалась. Через три месяца во чреве госпожи зашеве-

²² Хунмэньский пир (кит. ###) – отсылка к эпизоду, произошедшему в 206 г. до н. э., когда полководец царства Чу, Сян Юй, по совету своего советника Фань Цзэна устроил в честь Лю Бана (будущего первого императора Хань) пир в местечке Хунмэнь, во время которого предполагалось убить Лю Бана и занять циньскую столицу Сяньян. Означает «пир со злым умыслом», «пир-ловушка».

лился маленький господин. Но как раз тогда с севера пришло неожиданное известие: тот офицер погиб. Услышав об этом, госпожа тут же рухнула в обморок и несколько дней пролежала в постели. В конце концов она тяжело заболела и потеряла ребенка. Несмотря на то что ей удалось излечиться, ее здоровье стало очень слабым. С тех пор госпожа ежедневно читает сутры и все более холодно ведет себя с другими людьми. Хотя первая супруга вошла в наш дом на два года позже, она уже зачала маленького господина, а госпожа все еще...

– Разве сестра не обращалась к отцу? – в гневе перебила я Цяохуэй.

– Как же не обращалась? – ответила служанка, горько усмехаясь. – Госпожа стояла на коленях у дверей кабинета старшего господина три дня и три ночи. Но господин сказал, что не стоит предаваться несбыточным мечтам: госпожа уже отдана принцу, и нечего позволять грезам вторгаться в повседневную жизнь.

– Господин бэйлэ знает об этом? – спросила я.

– Не знает! – с уверенностью заявила Цяохуэй. – Старший господин тогда держал все в строжайшем секрете. Во всем поместье об этом известно лишь старшему господину, госпоже и мне!

Впрочем, я вспомнила выражение лица восьмого принца, когда тот услышал, что я не умею ездить верхом, и подумала, что, похоже, старший господин и Цяохуэй сильно ошибаются.

Всю ночь я ворочалась с боку на бок. Мне снились бескрайние травяные степи и ржание диких коней в завываниях яростного ветра. Когда я встала с постели, сестра уже читала сутры в семейном храме. Бросив взгляд на крошечную буддийскую часовню, я вспомнила привидевшиеся мне во сне просторы, и на сердце стало тоскливо. Я взяла с полки книгу сунских цы и пошла во двор.

На небольшом холме располагалась красивая, мастерски украшенная беседка, с трех сторон окруженная зарослями бамбука. С четвертой стороны к ней примыкала крытая галерея, что, изгибаясь, спускалась к самому подножию холма. Я прошла по галерее и поднялась в беседку. Там я села на скамью спиной ко входу, лицом к изумрудной зелени, заложив одну руку за голову, а другой держа книгу с сунскими цы. Открыв первую попавшуюся страницу, я погрузилась в чтение.

*Вновь проехал Чанмэнь, но иным предстает
Этот город во взгляде моем.
Здесь бывали с тобою. Скажи, отчего
Не судьба нам вернуться вдвоем?*

*Я как дерево сух, не живею мертвеца,
Седина словно иней блестит.
Будто селезень я, что без утки своей
В вышине одиноко парит.*

*Выжжен солнцем степи, на зеленой траве
Высох жемчуг кристальной росы.
В нашем доме и возле могилы твоей*

*В тишине провожу я часы...*²³

Я вспомнила о сестре и расчувствовалась, даже не дочитав стихотворение.

Внезапно кто-то выдернул книгу у меня из рук, и веселый голос закричал:

– И чего ты читаешь? К тебе пришли, а ты и не знаешь?

Я вздрогнула от испуга и вскочила с каменной лавки, встретившись взглядом с десятым принцем. Он пришел в восторг оттого, что ему удалось застать меня врасплох, но, увидев на моем лице печаль, а в глазах – слезы, слегка встревожился, и его лицо утратило радостное выражение. Стоявшие подле него девятый принц и какой-то миловидный юнец четырнадцати или пятнадцати лет также оторопели.

Я согнулась в поклоне, приветствуя их, а заодно стирая с лица эмоции, и, когда вновь подняла голову, оно было вполне равнодушным. Десятый принц все еще стоял столбом, а девятый уже справился с изумлением и представил юнца:

– Это господин четырнадцатый принц.

Ого, четырнадцатый принц, подумала я. Единственный великий полководец среди многочисленных сыновей императора Канси, человек, с которым я всегда мечтала встретиться! Сейчас, однако, было неудачное время. Я не смогла заставить себя обрадоваться и молча поклонилась ему.

Все замолчали. Заметив, что десятый принц уже пришел в себя, я обратилась к нему:

– Чем я обязана визиту десятого принца?

– Мы пришли к восьмому брату, но увидели, что ты сидишь без движения, и подкрались, чтобы посмотреть, чем ты тут занимаешься. – Он на секунду замолчал, а затем спросил, взглянув мне в лицо: – Кто тебя обидел?

Я сухо улыбнулась:

– Моя сестра – одна из жен хозяина этого дома, кто же, по-твоему, мог осмелиться меня обидеть?

Десятый принц постучал скрученной в трубку книгой по стоявшему рядом каменному столу и уже открыл было рот, но тут девятый принц произнес:

– Идем, восьмой брат уже заждался нас!

Десятый принц бросил на меня глубокий взгляд и, положив книгу на стол, угрюмо направился к выходу. Девятый принц последовал за ним, и они оба стали спускаться вниз по галерее. А четырнадцатый, расплывшись в улыбке, подошел к столу, бросил косой взгляд на книгу и внезапно спросил:

– Сколько лет?

– Тринадцать, – озадаченно ответила я.

Ничего на это не ответив, он бросился догонять братьев.

Я немного подождала, пока они уйдут подальше, подобрала книгу и тоже пошла домой.

Дни летели один за другим, а на душе у меня царила гнетущая тоска.

В последнее время сестра хлопотала без передышки. Конечно, господин бэйлэ сказал, что не стоит излишне напрягаться, но разве можно не напрягаться, когда на празднике собираются присутствовать больше десяти принцев и вдобавок наследный принц? В моей помощи сестра не нуждалась, и я целыми днями торчала в своей комнате, не желая выходить, маясь от безделья

²³ Стихотворение «Вновь проехал Чанмэнь, но иным предстаёт этот город во взгляде моём» поэта Хэ Чжу (1052–1125 гг.).

и все глубже погружаясь в апатию. Вздыхая о сестре, я задумывалась и о себе: через что мне придется пройти, прежде чем начнут выбирать девушек для дворца? Я учила историю и знала, что мне предстоит; но моя судьба находилась в руках других людей, и я ничего не могла сделать.

Вошла Дунъюнь, держа в руках тарелку супа из грибов «серебряные ушки», и произнесла со смехом:

– Болезнь еще не отступила, а вы день-деньской бегали на улице – не дозовешься! Но вот вы здоровы – и целый день лежите в кровати.

Я поднялась и пересела за стол, затем взяла в руки чашку и начала есть суп. Не зря же говорят, что любое горе нужно заесть.

– Завтра вечером состоится празднество по случаю дня рождения десятого принца, – произнесла Дунъюнь, наблюдая за тем, как я ем. – Молодая госпожа приготовила ему подарок?

Я замерла, изумившись про себя: как я могла об этом забыть?

Полдня я ломала голову, пытаюсь придумать, что подарить десятому принцу, но так ничего и не придумала. Узнав о моих терзаниях, сестра сказала с улыбкой:

– Я уже приготовила подарок за тебя.

Так не считается, рассудила я. Десятый принц был первым другом, которого мне удалось здесь завести, а безделушки из золота и нефрита, хоть и дорогие, ничего не скажут ему о моих теплых чувствах.

Впрочем, тоска тоской, а занять чем-то голову было неплохо. По крайней мере, я перестала тонуть в печали и с нетерпением ждала завтрашнего праздника. Подумать только, там будет столько известных исторических личностей, и все соберутся в одном зале! Просто «матч всех звезд НБА» какой-то!

Глава 3

Молодость не ведает печали

На следующий день я поднялась спозаранку и велела Дунъюнь непременно нарядить меня и сделать красавицей – вовсе не для того, чтобы затмить всех, а просто ради развлечения.

Я один за другим просматривала предметы одежды и украшения и один за другим отметала. Вскоре в комнате не осталось ни одной свободной поверхности: всюду разноцветные ткани и всевозможные безделушки. Мне казалось, еще немного – и я сойду с ума. Мы с Дунъюнь промаялись с зари до самого полудня, и лишь тогда я признала, что работу по наведению красоты можно считать законченной. Дунъюнь потрудились и над моими ресницами, и над веками. Местные средства красоты были просто ерундой по сравнению с чемоданом косметики у меня дома, но благодаря моим объяснениям, неусыпному контролю и умелым рукам Дунъюнь, а также тому, что Малтай Жоси была от природы очаровательна, я теперь являла собой живое воплощение фразы «красота – страшная сила».

Наткнувшись на меня, Цяохуэй долго меня разглядывала, а потом вздохнула и сказала:

– Вторая госпожа действительно стала взрослой барышней.

Я потупилась, пряча смущенную улыбку. Цяохуэй тут же закричала:

– Великое небо! Госпожа, вы ли это?

Я снова подняла голову и подмигнула ей, спрашивая с улыбкой:

– А ты как думаешь?

– Теперь вижу – это вы! – рассмеялась Цяохуэй.

День клонился к закату. Я была полностью готова, и евнух, которого сестра отправила за нами, как раз прибыл. Он шел впереди, указывая путь, а сзади следовали две служанки. Так наша маленькая процессия плавно двигалась по дороге.

Был конец лета. Днем донимала жара, но к вечеру воздух остывал и наступала приятная прохлада. Для проведения праздника сестра выбрала местечко у озера. Сцена для артистов и музыкантов находилась прямо на воде. Растущие на берегу деревья османтуса покрылись белыми и желтыми цветами, и дующий с озера ветерок приносил их едва уловимый аромат.

Когда я прибыла на место, сестра уже сидела во внутренней комнате павильона у озера и просматривала список пьес. Увидев меня, она остолбенела, не в силах произнести ни слова, и только оглядывала меня с макушки до пят и обратно. В конце концов, улыбнувшись, сказала со вздохом:

– Даже красивее, чем на картине!

– Ты расхваливаешь меня, сестрица, – ответила я со смешком, – но почему не хвалишь себя? Мы же с тобой во многом схожи!

– Болтушка! – шутливо побранила меня сестра.

– Еще никто не приехал? – спросила я.

– Уже приходил слуга и доложил, что господин с девятым принцем прибудут вместе. Должно быть, они уже здесь.

Не успела она договорить, как вдали показалась группа людей,двигающихся в нашу сторону. Торопливо вскочив, Жолань вышла из павильона и застыла у дверей, ожидая гостей. Я последовала за ней и встала чуть позади.

– Тех двоих рядом с господином ты еще не встречала, – сказала сестра, глядя вперед. – Это одиннадцатый и двенадцатый принцы.

Она еще не договорила, а гости уже подошли. Сестра сделала шаг вперед и согнулась в приветственном поклоне. Я тоже поклонилась, а когда выпрямилась, на меня были устремлены изумленные взгляды восьмого, девятого и десятого принцев. Одиннадцатый и двенадцатый принцы, которых я видела впервые, сохраняли невозмутимость, хотя и смотрели на меня во все глаза.

Все вошли в павильон и заняли свои места, но я осталась стоять позади сестры.

– Сегодня вечером мы собрались лишь для веселья, – с улыбкой произнес восьмой принц. – Не нужно лишних формальностей, садись!

Лишь после этих слов я заняла свое место позади Жолань.

– В прошлый раз тринадцатый брат пропустил застолье, – сказал одиннадцатый принц. – На этот раз никак нельзя начинать без него!

– Только его и ждем! – радостно ответил десятый принц.

– Ты все равно не сможешь перепить «тринадцатого-сорвиголову», – с улыбкой отметил восьмой принц.

Все хором громко рассмеялись.

Сейчас, подумала я, когда наследный принц прочно утвердился на своем месте, между братьями нет никаких противоречий и они прекрасно ладят.

Отсмеявшись, сестра заметила, что снаружи стоит один из евнухов и вытягивает шею, заглядывая внутрь. Она поднялась со стула и обратилась к восьмому принцу:

– Прибыли уважаемые господа, я выйду принять их.

Восьмой принц кивнул, позволяя удалиться.

Жолань покинула павильон, ведя меня за собой. До моих ушей доносился голос десятого принца, но слов я разобрать не могла, лишь слышала взрывы хохота, сопровождавшие каждую

его реплику. Я прислушивалась изо всех сил, сетуя на то, что не могу выбирать: я бы с гораздо большей радостью осталась с ними, хохотала и ни о чем не думала.

В поместье было два павильона, северный и южный. Южный предназначался для отдыха господина бэйлэ, а в северном разместились женская половина. Сестре еще нужно было принимать гостей, потому она велела Цяохуэй отвести меня в северный павильон отдохнуть, а через некоторое время, когда начнутся спектакли, привести обратно. В павильоне я застала двух очаровательных девиц четырнадцати или пятнадцати лет, увлеченных разговором. Услышав голоса, они подняли головы и посмотрели на нас. Одна из девиц, одетая в светло-зеленый торжественный наряд, сперва смерила мою фигуру беспокойным взглядом, а затем вытаращилась на меня, презрительно скривив губы.

Цяохуэй подошла и приветственно поклонилась, но девица не обратила на нее внимания, продолжая болтать. Впрочем, вторая девушка неловко произнесла:

– Довольно!

Что за разборки, подумала я. Поднявшись на второй этаж, я нашла местечко у окна и, присев, спросила Цяохуэй:

– Что это было?

– Между молодыми хозяйками кошка пробежала, а отдуваться мне, – тихо произнесла Цяохуэй обиженным тоном. Затем она посмотрела на мое озадаченное лицо и, вспомнив, что я не до конца оправилась от болезни, объяснила: – Это Гороло Минъюй, ее еще зовут Минъюй-гэгэ. Она младшая сестра первой супруги.

Немного подумав, я в общих чертах все поняла. Прежняя Жоси, которая всегда творила что вздумается, была недовольна тем, что ее сестра не пользуется благосклонностью супруга, и нашла себе девочку для битья. Однако мать этой девочки была принцессой второго ранга, дочерью Йоло, циньвана Ань, двоюродного брата императора Шуньчжи по отцу, а также двоюродной сестрой императора Канси. Таким образом, ее отец, Мин Шан, приходился зятем самому императору, а старшая сестра была вдобавок первой супругой восьмого принца. Разве девица с такой родословной могла позволить Жоси выйти сухой из воды?

Между тем Цяохуэй продолжала шептать мне на ухо:

– Когда вы, госпожа, упали с лестницы, только она при этом присутствовала. Она сказала, что вы сами поскользнулись, но мы между собой считаем, что тут без нее не обошлось.

Я беспомощно вздохнула, не зная, что сказать. Возможно, если бы не она, я бы умерла. Кто знает, что лучше – окончательно попрощаться с жизнью или переродиться в чужом теле? Если подумать, то остаться в живых все-таки лучше.

Цяохуэй по моему приказу сходила за сладостями. Я ела и смотрела в окно. В окружении толпы слуг и евнухов к южному павильону двигались трое. В одном из них я опознала миловидного четырнадцатого принца. Рядом с ним шел другой принц, одетый в длинное чанпао небесно-голубого цвета. Он был примерно одного роста с четырнадцатым, но обладал незаурядной внешностью и, похоже, дерзким характером. Должно быть, это тот самый «тринадцатый-сорвиголова», над которым недавно посмеивались остальные. Впереди принцев шел мужчина, одетый в темно-синий чанпао, с несколько бледным лицом. Весь его вид излучал

безразличие и холодность. Я озадаченно размышляла о том, кто же это мог быть, как вдруг меня осенило. Кто еще может вот так идти впереди тринадцатого и четырнадцатого принцев, если не прославленный четвертый принц? Я тут же взволнованно вскочила и высунулась в окно так далеко, как только смогла, желая получше разглядеть будущего императора Юнчжэна.

Восьмой вышел ему навстречу и поприветствовал его, а затем согнулся в легком поклоне, пропуская четвертого принца вперед. Оставшийся позади четырнадцатый принц вдруг остановился и поднял голову. Тринадцатый принц тоже поднял голову, глядя в том же направлении. Их взглядам предстала я, наполовину высунувшаяся из окна и повисшая на оконной раме.

Я поспешила втянуть себя обратно. Выпрямившись, я посмотрела на них и глупо захихикала. Поймана за подглядыванием, притом с поличным! Как неловко.

Оба принца с каменными лицами продолжали смотреть на меня в упор. Я слегка согнулась, изображая приветственный поклон.

Уголки губ четырнадцатого принца растянулись в улыбке, и он со смехом сказал что-то тринадцатому, скорее всего, рассказал, кто я такая. Тринадцатый принц улыбнулся мне; затем они повернулись и вошли в павильон.

Когда небо полностью потемнело, зажгли шелковые фонари. Яркостью они не могли соперничать с электрическими, но была своя прелесть в том, что все вокруг предстало в дрожащем, неверном свете живого огня. Все собрались на нижнем этаже; на втором остались только мы с Цяохуэй, слушая доносящиеся снизу звуки переливчатого смеха. Я снова вскарабкалась на подоконник и стала наблюдать за хлопочущими внизу слугами и служанками, поддерживая вялую беседу с Цяохуэй и кидая в озеро кусочки пирожных, чтобы покормить плавающих там уток-мандаринок.

– Госпожа! – вдруг шепотом позвала меня Цяохуэй.

– А? – отозвалась я, оборачиваясь.

Цяохуэй стояла позади меня, благоговейно склонив голову. Я с подозрением снова взглянула в окно и увидела четвертого и восьмого принцев, которые, высокие и изящные, стояли бок о бок прямо напротив павильона. Мигающий свет свечей едва освещал пространство за окном, и их лица то появлялись, то исчезали во тьме. Я машинально встала, и в голову пришла внезапная мысль: сейчас эти двое прекрасных, будто выточенных из нефрита, молодых людей стоят рядом, но настанет день, и они возьмут в руки оружие, выступят друг против друга, сражаясь не на жизнь, а на смерть. И к наслаждению чудесным праздником и восхитительным пейзажем примешалась капля печали. Только когда Цяохуэй начала дергать меня за рукав, я осознала, что стою столбом и бездумно смотрю прямо перед собой. Я поспешно выдавила улыбку и поклонилась принцам, они же, в свою очередь, приветственно подняли вверх правые руки. Я выпрямилась и медленно отошла назад, вставая рядом с Цяохуэй.

Один из слуг быстрым шагом приблизился к восьмому принцу и что-то тихо ему сказал, после чего восьмой обратился к четвертому. Тот кивнул, и они оба ушли. Через некоторое время пришла служанка и объявила, что настало время садиться за стол.

– Господин наследный принц еще не прибыл? – спросила я у служанки.

– Посыльный от господина наследного принца только что передал, что господин уладил все дела и прибудет, как только сменит платье. Он велел не дожидаться его и начинать застолье!

Я кивнула и последовала за ней вниз по лестнице.

Мое место за столом было рядом с двумя девицами примерно моего возраста. Когда я вошла, они болтали и смеялись. Заметив меня, обе привстали и поклонились. Усевшись, я окинула зал взглядом и заметила пустующий стол в самом центре, спереди у стены. Наверное, это стол для наследного принца, догадалась я. По левую руку сидели по порядку восьмой, девятый, десятый и четырнадцатый принцы, а четвертый, одиннадцатый, двенадцатый и тринадцатый – по правую.

Вошел евнух, неся на руках покрытый алым атласом деревянный поднос, и замер возле стола четвертого принца. На подносе лежал список пьес, которые будут играть этим вечером. Но принц не стал читать, вместо этого отдал евнуху какие-то распоряжения, и тот с подносом в руках подошел к столу десятого принца и передал ему сообщение. Десятый принц выслушал его и, молча кивнув, забрал список. Небрежно просмотрев его, он взял кисть, обвел название какой-то пьесы и вернул евнуху. Евнух возвратился к столу четвертого принца, и тот также обвел что-то из списка. Затем евнух почтительно поднес список восьмому принцу, предлагая выбрать пьесу, но тот жестом отослал его прочь.

Вскоре на сцене скрипуче запели. В то время пекинская опера еще не появилась, поэтому исполняли куньшан-скую. Жаль, что через триста с лишним лет куньшан уже не будет так популярна. Я знала лишь пару самых известных пьес вроде «Западного флигеля» и «Пионовой беседки», и еще «Ма-гу, приветствующую день рождения», с которой познакомилась этим вечером благодаря Дунъюнь. Однако, взглянув на костюмы артистов, я сразу поняла, что сейчас играют пьесу «У Сун убивает тигра». Бурную и живую, ее, конечно, выбрал десятый принц. На сцене сидящий верхом на тигре У Сун занес кулак, собираясь ударить, когда один из евнухов громко выкрикнул:

– Прибыл господин наследный принц!

В одно мгновение и актеры, и зрители пали ниц. Я бросила взгляд за толпу и увидела красивого, изящного человека в желтом шелковом чанпао, который неторопливо направлялся к нам.

Наследный принц занял свое место, и только тогда все осмелились встать с колен. Я тоже поднялась на ноги и села обратно за стол. Евнух с поклоном поднес наследному принцу список пьес, но тот громко произнес:

– Сегодня день рождения десятого брата, пусть именинник выбирает первым!

– Я уже выбирал, – ответил ему десятый принц, поднимаясь. – Пусть теперь второй брат выберет.

Только тогда наследный принц взял в руки список и стал пристально его изучать.

Две сидевшие рядом со мной девушки продолжили с интересом смотреть пьесу, но я в тот момент не смогла бы даже сказать, что они там поют.

Старшие принцы беседовали и обменивались шутками, но пили совсем немного; зато остальные, начиная с десятого принца и младше, вливали в себя вино в таких количествах, будто это была вода. Десятый принц вместе с еще несколькими своими братьями стоял у стола тринадцатого принца, приглашая его выпить. Тот не стал отказываться и осушил свою чашу, едва подняв ее. Отняв чашу от губ, он громко заявил:

– Нам стоит выпить еще несколько чаш за здоровье именинника.

И все принцы стали один за другим поднимать свои чаши в честь десятого принца. Этот человек точно навлечет на себя неприятности, подумала я.

На сцене началась другая пьеса, но я по-прежнему не следила за действием. Есть я не могла, потому что уже наелась до отвала, и от нечего делать разглядывала публику. Краем глаза я заметила, что десятый принц встал из-за стола, намереваясь покинуть праздник. Переведя взгляд на сестру, я убедилась, что она смотрит спектакль, беседуя с одной из прочих жен. Я тут же вскочила, чтобы последовать за десятым принцем. Цяохуэй приготовилась пойти за мной, но я остановила ее:

– Подожди меня здесь, я скоро вернусь.

Впереди шел евнух, освещая дорогу фонарем, а десятый принц, пошатываясь, следовал за ним. Ему точно не удалось перепить тринадцатого принца, подумала я, тот все еще веселится, пребывая в ясном сознании, а десятый принц уже сильно захмелел. Только увидев здание впереди, я сообразила, что он идет помочиться. Я торопливо повернула назад, собираясь подождать его снаружи.

Какое-то время спустя десятый принц вышел в сопровождении евнуха. Заметив меня, он сделал пару торопливых шагов в мою сторону:

– Чего ты тут стоишь?

– Я пришла отдать имениннику его подарок! – ответила я.

– А где подарок? – удивился он, глядя на мои пустые руки.

Я покосилась на евнуха, и принц велел ему удалиться. Евнух поклонился и ушел.

Я увлекла десятого принца за собой. Он снова спросил меня о подарке, но я молча шла вперед. Вскоре мы пришли к беседке у воды. Она находилась на некотором расстоянии от сцены, и, хотя та была ярко освещена, артистов отсюда было почти не видно. Встав посередине беседки, я указала десятому принцу на одну из деревянных лавок, протянувшихся вдоль перил:

– Прошу именинника присесть.

Хотя на его лице нетерпение боролось с недоумением, он все же выполнил мою просьбу.

Дождавшись, пока он сядет, я добросовестно поприветствовала его по всем правилам. Здесь не было фонарей, лишь изогнутый месяц в небе слабо освещал беседку. Принц сидел в тени, и я не видела его лица, когда он в нетерпении спросил:

– Ты же не собираешься подарить мне одно только вежливое приветствие?

Я прочистила горло и нежно запела:

*Взметнулись к небесам огни
Всех праздничных свечей,
В нефрите чаш блестит вино —
Пусть будет жизнь длинней!
И долголетия персиков
Румяные бока
Пророчат постареть без бед
Чрез многие века.
Олень волшебный гриб личжи,
Склонившись, вам вручит,
И в вашу честь заздравный тост
Зал шумный огласит.
Сегодня лучшие мужи
Собрались за столом,
Вовек да не утихнет смех
И речи за вином!..²⁴*

Затихли последние звуки, и снаружи беседки донеслись аплодисменты.

— Куда же запропастился десятый брат, подумал я. Оказывается, он здесь воздвиг для себя маленькую сцену, — сказал четырнадцатый принц и зашел в беседку, продолжая хлопать в ладоши.

За ним следовал тринадцатый принц с улыбкой во все лицо. Я поприветствовала их, чувствуя себя неловко и не зная, что сказать.

Удивительно, но десятый принц не стал возражать, лишь произнес, поднявшись:

— Вино ударило мне в голову, и я присел отдохнуть. Давайте возвращаться.

Четырнадцатый принц обошел вокруг меня и, смерив взглядом сверху вниз, спросил:

— Когда ты и мне споешь?

Меня разозлил его пристальный взгляд.

— Когда у господина четырнадцатого принца будет день рождения, Жоси обязательно споет, если, конечно, господин не будет против.

Он усмехнулся и обратился к тринадцатому принцу: — Не хочешь тоже заказать песню?

Тринадцатый принц улыбнулся, но ничего не сказал. При всей его прямолинейности ему не хотелось шутить с десятым принцем. Очевидно, отношения четырнадцатого с десятым были более близкими, поэтому четырнадцатому принцу шутка могла сойти с рук.

Четырнадцатый принц еще не исчерпал свои насмешки, но я нахмурилась, и десятый поспешно одернул его:

— Четырнадцатый брат!

— Ох! Десятый брат начал волноваться, — сказал четырнадцатый с улыбкой и миролюбиво махнул рукой. — Все, все! Пойдем!

Все трое друг за другом покинули беседку. Озадаченная, я тут же шлепнулась на лавку. Что это вообще было?

Я немного посидела, строя догадки и не желая идти назад, но вспомнила о Цяохуэй, которая наверняка будет волноваться, и торопливо поднялась. Кругом царили радость и веселье, но на душе у меня было уныло. Раньше мне казалось, что все это — одна большая сцена, а я всего лишь зритель разыгрывающейся на ней трагедии. Если тебя не тронула пьеса, то остается лишь досмотреть и забыть; а сейчас я словно сама попала на сцену и глубоко сопереживала героям, но ничем не могла им помочь.

²⁴ Партия Ма-гу из оперы «Ма-гу приветствующая день рождения».

Я медленно брела с опущенной головой, и вдруг чей-то голос закричал:

– Ты вообще смотришь, куда идешь? Натыкаешься на людей, будто слепая.

Я испуганно замерла и подняла голову. Примерно в десяти шагах от меня в сопровождении служанки стояла Миньюй-гэгэ, прелестная девица из семьи Гороло. У меня не было настроения с ней связываться, и я собиралась просто пройти мимо, но она преградила мне путь и насмешливо произнесла:

– Действительно дикарка, не имеет никакого понятия о приличиях.

Я сделала шаг в сторону, желая обойти ее, но она тоже шагнула вбок, продолжая стоять у меня на пути. Почувствовав раздражение, я в упор взглянула на нее, пытаюсь понять, что ей, в конце концов, нужно. Лучась самодовольством, она снова усмехнулась:

– Слышала, после падения у тебя с головой стало не очень.

– Некоторым людям, – улыбнулась я в ответ, – и падать не надо, у них изначально с головой не все в порядке.

Улыбка исчезла с лица Миньюй-гэгэ, и она возмущенно выпалила:

– Дикарка, мать родила тебя, но совсем не воспитывала!

– Некоторых хоть и воспитывала мать, – по-прежнему улыбаясь, сказала я, – но им не стоять в одном ряду даже с дикарками!

Я видела, как напряглась Миньюй-гэгэ, и мне стало смешно. Ну надо же, всего-то пара фраз, а она уже нервничает. Я вспомнила, как по любому поводу мы ссорились с соседом по парте, и при этом следовало улыбаться как можно невозмутимее, ведь чем спокойнее ты выглядишь, тем сильнее производимый эффект.

Я смотрела на нее и улыбалась во весь рот, и она внезапно брякнула:

– Такая же, как твоя старшая сестра, обе невоспитанные шлюхи!

Называть шлюхой меня она могла сколько угодно, это слово находилось всего лишь на первом уровне моего ругательного словарного запаса; но называть так сестру я бы не позволила. Едва я открыла глаза в этом мире, Жолань окружила меня заботой и вниманием, любила и баловала меня. В этом времени она была единственным человеком, кто поселился в моем сердце, единственным родным человеком! Я холодно посмотрела на Миньюй-гэгэ:

– Кто посмел назвать так мою сестру?

Видя, что теперь занервничала я, она произнесла довольным тоном, нарочно растягивая гласные:

– Неважно кто, важно одно – она шлю-юха-а...

Хлоп! Я отвесила ей звонкую оплеуху, и девица рухнула, подавившись своими словами. С криком «Гэгэ!» подбежала служанка и помогла ей подняться. Не в силах поверить в произошедшее, она смотрела на меня, прижимая ладонь к щеке. Не отрывая от нее взгляда, я холодно процедила:

– Кто посмел назвать так мою сестру?

Миньюй-гэгэ внезапно оттолкнула служанку и рванула в мою сторону с намерением мне врезать.

К сожалению, моя сила двадцатипятилетней была заперта в теле девочки тринадцати лет. Все, что произошло далее, можно было описать словами «жалкое зрелище».

Вы когда-нибудь видели, как дерутся женщины? Они хватают друг друга за волосы, щипают, царапают, выкручивают конечности и рвут одежду.

Мы обе были обуты в туфли «цветочный горшок»²⁵, поэтому, сцепившись в драке, почти сразу упали на землю и пустили в ход еще и зубы.

С криками «Гэгэ, гэгэ!» служанка, чуть не плача, пыталась нас разнять, но она понятия не имела, в какую сторону тянуть. В конце концов громко позвала на помощь: «Сюда, кто-нибудь!» – и тут же с воплями «Перестаньте драться, не надо!» прибежала толпа евнухов, слуг и служанок. Но разве могли их услышать две хрупкие госпожи, катавшиеся по земле и дравшие друг друга с невыразимым наслаждением? Никто из слуг не хотел применять силу, боясь, что если поранят кого-то из нас, то придется давать объяснения.

Мы устроили потасовку совсем недалеко от места, где проходило празднество. Шума от нас становилось все больше и больше, и в конце концов переполошились все принцы, включая наследного, их супруги и другие родственницы. Младшие принцы бегали быстро, поэтому первыми примчались к месту схватки: сначала тринадцатый и четырнадцатый, за ними подошли восьмой и девятый. Прибежал и десятый принц, нетвердо держась на ногах. Четвертый принц с наследником престола вели себя более сдержанно и шли не торопясь. Женщины подошли последними, во-первых, потому, что не могли ходить быстро, а во-вторых, их павильон был дальше всего.

Четырнадцатый принц еще не появился, а его голос уже был слышен издалека:

– Что вы там делаете? Немедленно прекратите!

– Перестаньте драться! – закричал и тринадцатый принц.

Но разве его кто-то послушал? Мы с Миньюй-гэгэ продолжали! Не видя иного выхода, тринадцатый и четырнадцатый принцы подбежали к нам и приготовились разнимать нас силой.

Вдруг послышался громкий «плюх!», и все хором закричали от страха.

Мы сцепились на берегу озера, и к этому моменту успели повалиться везде где только можно. От этих кувырков у нас обеих закружилась голова, и, перевернувшись еще пару раз, мы скатились прямо в воду.

Я укрادкой возликовала: в университете мне довелось сдавать заплыв брассом на двести метров, а эта нежная Миньюй-гэгэ наверняка вообще не умеет плавать. Однако практически сразу я поняла, что была слишком оптимистична.

Если на ногах у вас туфли «цветочный горшок», вы одеты в красивое парадное платье, ваша прическа украшена кучей тяжелых шпилек, а под боком, цепляясь за одежду, барахтается другая девица, вам ничем не поможет ваше умение плавать. Мне оставалось лишь задержать дыхание и ждать, пока кто-нибудь придет на помощь. Это должно произойти довольно скоро, подумала я, ведь на берегу столько народу, и они не станут просто смотреть, как мы обе тонем.

Казалось, что время течет безумно медленно. В груди стало тесно, и я не на шутку перепугалась. Но стоило мне подумать: «Вот и все», как кто-то прижался к моей спине, а затем рукой проскользнул под мышкой и обхватил меня. Миньюнь больше не тянула меня за одежду, и я стала медленно всплывать к поверхности. Едва моя голова показалась над водой, я стала хватать ртом воздух. Спасший меня человек довольно сильно удивился, увидев меня полностью в сознании: не ожидал, что под водой я задержу дыхание. Действительно, откуда Малтай Жоси об этом знать?

Оказавшись на берегу, я обнаружила, что спас меня тринадцатый принц. Четырнадцатый как раз тащил на берег Миньюй-гэгэ. Глаза ее были закрыты, и она не шевелилась.

Хотя мне было гораздо лучше, чем этой несчастной, у меня совсем не осталось сил, и я обмякла, сползая на землю. Я продолжала жадно глотать воздух, найдя опору в объятиях тринадцатого принца. Подскочил десятый принц и потянул меня за рукав:

²⁵ Туфли «цветочный горшок» #кит,####– маньчжурская женская обувь с каблуком посередине стопы. Каблук был выполнен в форме цветочного горшка, отсюда пошло название туфель. Считается, что «большеногие» маньчжурки стали носить эти туфли, впечатленные походкой женщин-хань, бинтовавших ноги.

– Как ты себя чувствуешь?

Я растерянно моргнула несколько раз. Вот дурень! Я едва не захлебнулась, как я могу себя чувствовать?

Тем временем Миньйюй-гэгэ издала что-то среднее между криком и всхлипом. Я видела, как ей изо всех сил давят на живот, но все без толку. Рядом стояли несколько старших принцев, и их лица были очень серьезны. Я испугалась. Не могла же она погибнуть?

Стоило мне подумать об этом, как Миньйюй принялась плевать водой, а затем медленно открыла глаза, и я успокоилась.

В этот момент подошла Жолань. Увидев меня сидящей на земле, она бросилась ко мне и начала гладить мою голову дрожащими руками. Я поспешила успокоить ее:

– Со мной все хорошо, все хорошо!

Сестра поднялась только после того, как убедилась, что я цела и невредима. Затем она подбежала к Миньйюй-гэгэ, чтобы осмотреть и ее. Подоспевшие Цяохуэй и Дунъюнь приняли меня из рук тринадцатого принца, помогли подняться и завернули в теплую накидку.

На каменном лице восьмого принца не было и тени улыбки. Служанка Миньйюй-гэгэ, опустив голову, что-то говорила ему – видимо, докладывала о произошедшем, наверняка обвиняя во всем меня.

Четвертый принц вместе с наследником престола молча стояли в стороне. Хотя они многое повидали на своем веку, судя по всему, подобное случилось на их глазах впервые.

Миньйюй-гэгэ пришла в себя и, с силой оттолкнув Жолань, хлопнулась в траву и начала реветь. Пошатнувшись, сестра осела на землю, и я, вырвавшись из рук Цяохуэй, бросилась к ее обидчице.

– Что ты собираешься сделать? – строгим тоном крикнула мне Жолань.

Я замерла на месте, свирепо сдвинув брови.

– В чем дело? – громко спросила сестра.

Кутаясь в накидку, я бросила презрительный взгляд на рыдающую Миньйюй-гэгэ и хмыкнула, ничего не сказав.

– Не плачь, – ласково обратилась Жолань к Миньйюй-гэгэ. – Это может навредить тебе. Если Жоси обидела тебя, скажи мне, я обязательно с ней поговорю.

Она достала свой платок, желая вытереть Миньйюй слезы, но та яростно оттолкнула ее руку и закричала сквозь слезы:

– Вы все обидели меня! Вы обе...

– Только попробуй сказать еще хоть слово! – строго прикрикнула я на нее.

Миньйюй с яростью уставилась на меня, и я вернула ей красноречивый взгляд. Хочешь еще помериться со мной силами?

Слова замерли у нее в горле. Она открыла рот, чтобы снова зарыдать, и я шагнула к ней с криком:

– Я не разрешаю тебе реветь!

Она сидела на земле и, задрав голову, смотрела на меня разинув рот. Очевидно, ей не приходилось встречаться с подобным бесстыдством, и ее сковал ужас.

И не ее одну. Сестра, десятый, тринадцатый и четырнадцатый принцы потрясенно застыли. Четвертый и восьмой вместе с господином наследником безмолвно смотрели на меня. В наступившей гробовой тишине можно было услышать, как падает иголка.

В конце концов наследный принц насмешливо произнес:

– Вот уж не думал, что у тринадцатого брата здесь завелась младшая сестренка!

Эти слова заставили всех прийти в себя. Миньйюй-гэгэ снова ударилась в слезы. Бросив на меня злобный взгляд, сестра велела Цяохуэй и Дунъюнь увести меня, а сама начала хлопотать вокруг Миньйюй-гэгэ.

Дунъюнь сделала для меня имбирный отвар, Цяохуэй прислуживала мне, пока я принимала горячую ванну. Обе они не произнесли ни слова, как и сестра, которая, вернувшись, словно забыла о моем существовании. Похоже, этим вечером один мой вид вызывал у людей страх.

Сначала я думала, что сестра скоро перестанет злиться и все будет хорошо, но прошло уже пять дней, и как бы ни выражала я смирение и покаяние, как бы ни подлизывалась, пытаюсь вызвать жалость, сколько бы ни притворялась дурочкой – сестра не разговаривала со мной. Служанки приходили, молча выполняли свою работу и уходили, не проронив ни слова. Я словно стала человеком-невидимкой.

Добровольное затворничество все равно не поможет мне получить прощение, подумала я, лучше уж выйти прогуляться.

Идя по тропе, я ловила на себе странные взгляды евнухов, слуг и служанок. Они будто бы стали относиться ко мне с большим почтением и осторожностью, чем раньше. Впрочем, мне было все равно, и я продолжала шататься по двору, пока не заметила вдалеке силуэты десятого и четырнадцатого принцев и не поспешила к ним.

– Куда идете?

Они обернулись и оцепенели, уставившись на меня. Я, наклонив голову, беспечно смотрела на них в ответ. В конце концов четырнадцатый принц проговорил, прыснув со смеху:

– Что у тебя за вид?

– Вид безнадежно опустившегося человека, – ответила я, ослабившись.

– Я думал, ты плохо относилась ко мне, – без тени смущения произнес десятый принц. – Оказывается, ты еще была ко мне добра!

Четырнадцатый принц, покачивая головой, со вздохом произнес:

– Во время нашей первой встречи я подумал: какая очаровательная нежная красавица!

– А теперь? – полюбопытствовала я.

Он улыбнулся со сжатыми губами и задал встречный вопрос:

– Ты же знаешь, что тебе удалось прославиться благодаря лишь одному поступку?

Вероятно, подумала я, свидетелями этой битвы были все самые уважаемые господа и барышни Пекина того времени, и само собой разумеется, что историю о ней передавали из уст в уста.

– Могу догадаться, – процедила я сквозь зубы.

– В последние дни, – засмеялся он, – среди принцев всего Запретного города²⁶ только и разговоров, что о «тринадцатой-сорвиголове»! – И добавил в ответ на мое вялое «Ого!»: – Даже отец в шутку спросил тринадцатого брата: «Когда ты успел завести младшую сестру?»

Прикрыв рот ладонью, я тарасилась на четырнадцатого принца, не смея поверить его словам. Великие небеса, думала я, теперь обо мне знает даже император Канси! Выражение моего лица привело четырнадцатого принца в восторг, и он расхохотался.

Мы втроем шутили и смеялись, но тут к нам шустро подбежал один из младших евнухов, вытер пот со лба и поприветствовал меня, после чего с поклоном произнес:

– Я пробежал по двору добрых несколько кругов, пока нашел вас! Господин бэйлэ хочет вас видеть. Он ожидает в кабинете!

²⁶ Запретный город #кит. упр.####– главный дворцовый комплекс китайских императоров в центре Пекина, на протяжении столетий служивший как местом жительства императоров и членов их семей, так и церемониальным и политическим центром китайского правительства.

Итоги суда будут наконец оглашены, подумала я с ужасом. Я не боялась господина бэйлэ, но мне было страшно за сестру – не хотелось впутывать ее в это. Взглянув на мое лицо, омраченное тревогой, десятый принц грубо произнес:

– Теперь-то ты испугалась?

Но четырнадцатый, улыбаясь уголками рта, мягко сказал:

– Не бойся! Я замолвлю за тебя словечко.

Я изумленно взглянула на него и тихо ответила:

– Спасибо!

Когда мы вошли, восьмой принц сидел за столом и что-то писал. Он кивнул десятому и четырнадцатому принцам, а затем опустил голову и продолжил писать, даже не взглянув на меня. Десятый и четырнадцатый нашли себе по стулу и сели; я же осталась неподвижно стоять посреди комнаты, опустив голову, и думала про себя: ну вот, еще один делает вид, что я невидимка.

Прошло немало времени: десятый принц вместе с четырнадцатым успели выпить по чашке чая. Восьмой принц наконец отложил кисть, запечатал документ и вручил его ожидавшему еврею со словами:

– Передайте эту докладную записку прямо в Министерство чинов²⁷.

Спрятав записку в рукав, еврей удалился.

Пригубив чай, восьмой принц обратился к десятому и четырнадцатому:

– Что вы думаете об утреннем инциденте с жалобой на Чан Шоу, который предложил привлечь на нашу сторону Э Баовэя, главу гуандунских пиратов?

– Что тут думать? – заорал десятый принц. – Как можно быть мягким с морскими разбойниками, которые творят беззаконие? Не казнишь одного в назидание остальным, и в будущем они совсем распряшутся!

Восьмой принц не обратил на него никакого внимания, глядя лишь на четырнадцатого. Подумав немного, четырнадцатый принц произнес:

– Хотя наш царственный отец ничего не сказал, я полагаю, в душе он уже давно ухватился за эту мысль. Пожалуй, он согласится с мнением шилана Чан и даст добро. Эти двести тридцать семь пиратов отважны и искусны в бою, настоящие удалыцы, и притом прекрасно ориентируются в тех водах. Если удастся заставить их сражаться на нашей стороне, наша военная мощь на море значительно вырастет, и другие пираты десять раз подумают, прежде чем напасть. Это также поднимет авторитет Великой Цин – все увидят, что, если способные люди хотят служить своей стране, император всегда готов предоставить им подобную возможность.

Выслушав его, восьмой принц согласно кивнул – видимо, мнение четырнадцатого принца совпадало с его собственным.

– Потому я тут же подал записку с ходатайством о снисхождении к шилану Чан.

Затем они продолжили говорить о делах, в которых я ровным счетом ничего не понимала, думая лишь: ого, политика! Хитрые комбинации! И я стояла, стояла, стояла...

Стемнело. Вошел еврей с вопросом, стоит ли накрывать к ужину.

– Говорим и говорим, совсем забыли о времени! – с улыбкой сказал восьмой принц. – Уже так поздно. К чему возвращаться? Если у вас нет неотложных дел, оставайтесь на ужин!

Десятый и четырнадцатый с радостью согласились, и еврей понятиливо удалился. Восьмой принц смотрел на меня, постукивая пальцем по столешнице. Его лицо по-прежнему сияло улыбкой.

²⁷ Министерство чинов (кит. ### — один из шести органов высшей власти, заведовавший назначением на должности, проведением экзамена, пожалованием титулов и проведением служебных проверок.

В комнате было тихо, был слышен лишь негромкий стук пальца по столу. Я продолжала неподвижно стоять с опущенной головой, вознося хвалы университету за жесткую подготовку на военной кафедре, – я провела в такой позе уже больше четырех часов.

Обернувшись к десятому и четырнадцатому, восьмой принц, улыбнувшись, произнес:

– Идите вперед! Я скоро приду.

Они оба поднялись со своих мест. Четырнадцатый сразу ушел, а десятый сказал, запинаясь:

– Лучше пойдемте все вместе.

Продолжая улыбаться, восьмой принц бросил на него глубокий взгляд и вкрадчиво ответил:

– Иди вперед.

Десятый принц коротко взглянул на меня и тоже ушел.

Восьмой принц отослал и евнуха, а затем подошел ко мне.

Будто какая-то незримая сила давила на меня, и я едва держалась на ногах. Опустив глаза, с бешено колотящимся сердцем я разглядывала его сапоги. В мыслях царил полный хаос, и я сама не смогла бы сказать, о чем думала в тот момент. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем до меня донесся его тихий голос:

– Подними голову.

Ох нет. Но у меня не хватило смелости ему противоречить, и я стала послушно поднимать голову, так медленно, как только могла. Мой взгляд скользнул по его шее, подбородку, губам и носу, а затем наконец уперся в глаза, подобные глубокому озеру, чистому и прозрачному, но словно бездонному. Мне хотелось зажмуриться, отвернуться, но по непонятной причине я не могла пошевелиться и продолжала смотреть ему в глаза.

Восьмой принц выглядел невозмутимым, но изучал меня с таким любопытством, будто хотел что-то найти на моем лице.

Невозможно сказать точно, сколько времени прошло – то ли одно мгновение, то ли пара часов. Улыбка, зародившись в уголках губ, вскоре расцвела на его лице, и в глазах замерцали мягкие искорки. Я поняла, что действительно едва стою на ногах, и, не удержавшись, отступила на пару шагов назад, прижав ладонь к груди. Восьмой принц громко рассмеялся, и я отметила, какой у него, оказывается, мелодичный смех! От этих звуков сердце будто пронзали слабые электрические импульсы, заставляя разум онеметь и размякнуть.

– Куда же делаешь та дерзость, что ты явила тем вечером? – спросил он с издевкой.

В голове было пусто. Не зная, что сказать, я продолжала тупо стоять перед ним.

Посмеявшись еще немного, восьмой принц направился к выходу. У дверей он обернулся:

– Хочешь еще постоять?

Эти слова заставили меня наконец сойти с места и поспешить за ним. Восьмой принц велел евнуху проводить меня к сестре, а сам развернулся и ушел.

От долгого стояния мои ноги совсем одеревенели, поэтому я продвигалась вперед по шажочку, следуя за евнухом, который шел передо мной с фонарем в руках. На ходу я размышляла о том, что же имел в виду восьмой принц. Неужели все закончилось и я прощена? Вдруг евнух резко склонился в поклоне и приветственно закричал:

– Всех благ десятому принцу, всех благ четырнадцатому принцу!

При взгляде на мое печальное лицо десятый принц взволнованно спросил:

– Что случилось?

Я закусила губу. Мне очень хотелось выговориться, но я не позволила словам сорваться с языка. В конце концов я просто опустила голову, так ничего и не сказав. Десятый принц с горячностью схватил меня за руку:

– Пойдем-ка поищем восьмого брата!

Я выдернула руку из его пальцев и бросила на него короткий взгляд, а затем с выражением крайней скорби на лице уставилась куда-то вперед расфокусированным взглядом и медленно покачала головой.

– Ха-ха-ха! – заливался смехом четырнадцатый принц, согнувшись в три погибели и держась за живот. – Великие небеса!

Пораженный этим внезапным взрывом смеха, десятый принц гневно взглянул на него.

– Пф-ф-ф! – засмеялась я следом.

Десятый принц посмотрел сначала на меня, потом на четырнадцатого принца и вдруг понял, что я просто подшутила над ним. Яростно взмахнув рукавами, он развернулся и зашагал прочь, гневно воскликнув:

– Выходит, я беспокоился напрасно!

Мы с четырнадцатым принцем поспешили остановить его.

– Я больше не буду, – мягко сказала я, подавив улыбку. – Прости меня на этот раз!

Четырнадцатый принц, обхватив кулак одной руки ладонью другой, начал неистово кланяться, вымаливая прощение. Лишь тогда лицо десятого принца наконец смягчилось.

Обернувшись к четырнадцатому принцу, я пристально посмотрела на него и спросила:

– Кто обещал замолвить за меня словечко?

– Восьмой брат – благородный муж, известный своей добротой, – ответил он, улыбаясь. – В общении с людьми он всегда вежлив и тактичен. Если бы, как только ты вошла, он начал любезничать с тобой и вести себя как ни в чем не бывало, мне пришлось бы хорошенько поломать голову над тем, как тебе помочь. – Он на секунду задумался, а затем продолжил: – А потом я заметил, что ты уже долго стоишь и никто не собирается тебя отпускать. Тогда я подумал: эге, да тут ни за кого заступаться и не надо!

Я выслушала его, не зная, что ответить.

– А почему же ты мне ничего не сказал? – удивленно спросил десятый принц.

– Я хотел досмотреть спектакль! – со смешком ответил четырнадцатый.

– Ах ты... четырнадцатый! – раздраженно бросил десятый принц.

– Он тоже досмотрел спектакль, и это помогло ему успокоиться, – отрезал четырнадцатый принц. – Пора идти ужинать, а не то восьмой брат взаправду рассердится.

– Я тоже проголодалась, – вставила я. – Пойду к себе.

Сделав пару шагов и поразмыслив кое о чем, я снова обернулась к ним двоим и спросила:

– А что сказали в семье Гороло?

Десятый принц открыл было рот, собираясь что-то сказать, но четырнадцатый опередил его:

– Так или иначе, все уже закончилось, и тебе не стоит больше об этом думать. Возвращайся и вели служанке хорошенько помассировать тебе ноги!

Когда я вернулась, сестра без всякого выражения сказала служанке:

– Иди на кухню и проследи, чтобы кушанья подогрели и прислали сюда.

Служанка выслушала повеление и удалилась. Вскоре она вернулась и произнесла, заискивающе улыбаясь:

– Едва выйдя за дверь, ваша служанка столкнулась с посыльным. Он держал в руке короб со съестным, сказав, что это для госпожи. Служанка вернулась, чтобы спросить, нужно ли теперь идти на кухню и передавать, чтобы разогрели ужин.

За ее спиной с коробом в руках замер один из младших евнухов. Взглянув на него, сестра сказала:

– Если эти кушанья были приготовлены только что, нет нужды разогревать холодное.

Служанка приняла короб из рук евнуха и отослала его, а затем принялась накрывать для меня стол.

Простояв больше четырех часов, я была голодна как волк и потому немедленно с жадностью набросилась на еду.

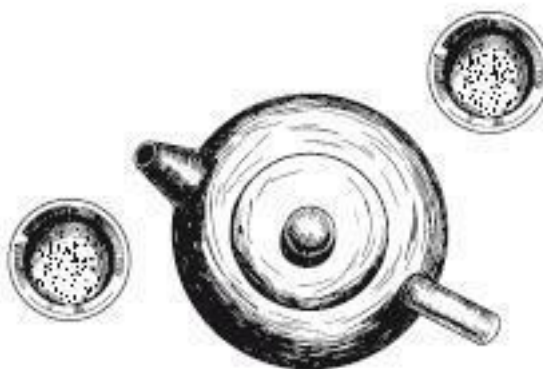
Сестра присела на кровать и наблюдала за мной с задумчивым видом. Когда я закончила трапезу, она холодно обратилась ко мне:

– Умойся и ложись спать пораньше!

Еще не простила, подумала я со вздохом. Ничего не поделаешь. Остается лишь пойти к себе и лечь отдыхать.

Глава 4

Человеческая жизнь полна превратностей

Дни пролетали один за другим, и жизнь казалась мне ужасно скучной. Каждый день одно и то же, почти совсем нечем заняться; и сестра по-прежнему холодна со мной. Я бесчисленное множество раз побывала во всех уголках резиденции господина бэйлэ, куда только можно было пойти. В мыслях я уносилась далеко в Шэньчжэнь и вспоминала веселую, разгульную жизнь в компании таких же гуляк. В этом времени вести подобный образ жизни могли себе позволить лишь мужчины.

Не зная, куда себя деть от скуки, я сидела на камне у берега озера и тосковала:

– Эх!

– Эх!

– Эх!..

Вдруг за спиной раздался голос четырнадцатого принца:

– Я выиграл!

Обернувшись, я увидела стоявших позади девятого, десятого и четырнадцатого принцев и поторопилась подняться, чтобы поприветствовать их.

– И чего ты вздыхаешь без остановки? – громко воскликнул десятый принц. – Из-за тебя я потерял двадцать лянов²⁸ серебра.

– И я двадцать, – добавил девятый.

Я в полном недоумении смотрела на хохочущего во все горло четырнадцатого принца.

– Мы ставили на то, сколько раз ты вздохнешь, – смеясь, объяснил он. – Девятый брат утверждал, что ты не сможешь вздохнуть больше двадцати раз, десятый – что вздохнешь меньше сорока, а я поставил на то, что вздохов будет больше сорока.

– Неужели я так много вздыхала? – спросила я.

– Еще как! – ответили все трое хором.

Я надула губы и промолчала.

– И отчего ты вздыхаешь? – поинтересовался десятый принц.

Я уже хотела ответить, но тут вклинился четырнадцатый принц:

– Не рассказывай! Давайте сами угадаем. Ставка – те же двадцать лянов.

²⁸ Лян #кит.##– китайская мера веса, равная 50 граммам. Также служила валютой.

– Это превратилось в дурную привычку! – засмеялась я.
– Пусть девятый брат отгадывает первым! – азартно закричал десятый принц.
Девятый только отмахнулся:
– Понятия не имею. Вы двое отгадывайте.
– От скуки, – произнес десятый принц, внимательно вглядываясь мне в лицо.
– Похоже, сегодня я смогу заработать лишь сорок лянов, – с улыбкой сказал четырнадцатый.
– Я тоже думаю, что от скуки.
Сохраняя каменное выражение лица, я покачала головой:
– А вот и не от скуки!
Оба застыли в изумлении и озадаченно взглянули на меня. Десятый принц спросил:
– Отчего в таком случае?
Я произнесла чрезвычайно серьезным тоном:
– От очень, очень, о-о-очень большой скуки!
И мы вчетвером захохотали.
– Не скучай, скоро наступит Праздник середины осени²⁹, и во дворце устроят пиршество, – улыбнулся четырнадцатый принц.
– И правда, скоро Праздник середины осени, – сказала я, подсчитав дни. И перевела тему: – Вы идете увидеться с господином бэйлэ?
– Верно, – ответил десятый принц. – Но сейчас у него в кабинете шилан Яо. Я не хотел столкнуться с этим крикливым старикашкой и потому решил пока прогуляться по саду.
– Немного погодя я вместе с вами пойду к господину бэйлэ и поприветствую его, хорошо? – предложила я после небольшой паузы.
Четырнадцатый принц поднял брови:
– Кто льстит без причины, тот либо предатель, либо вор.
Я бросила на него пристальный взгляд и не сказала ни слова.

Увидев, что я вошла в кабинет вместе с тремя принцами, восьмой принц ничего не сказал, лишь с улыбкой предложил мне сесть.
– Мое дело не займет много времени, – мягко ответила я. – Договорю и пойду, нет нужды садиться.
Он откинулся на спинку стула и, слегка приподняв уголок рта, произнес, поигрывая табакеркой:
– Я не могу помочь с твоим делом. Кто кашу заварил, тому и расхлебывать.
Я на миг замерла, а затем поклонилась с крайне унылым видом:
– Жоси просит разрешения откланяться.
– Иди, – позволил он с улыбкой.
Развернувшись, я покинула кабинет.
Я шла и размышляла. Подкрепление не прибыло, значит, придется обходиться собственными силами. Когда я вернулась к себе, сестра еще читала сутры в домашнем храме. Я кружила по комнате, пытаясь придумать, как же начать разговор. Пока я была глубоко в своих мыслях, вошла сестра и, видя, что я хожу кругами, присела на кровать, не обращая на меня никакого внимания.

²⁹ Праздник середины осени #кит.####– один из самых главных традиционных праздников Китая, отмечается в 15-й день восьмого месяца по китайскому лунному календарю. В этот день принято собираться всей семьей, любоваться луной и есть лунные пряники.

Я поспешила сесть рядом. Проведя в молчании, казалось, целую вечность, я наконец тихо произнесла:

– Я родилась, и матушка умерла. С самого детства я лишь слышала, как отец называл меня смутьянкой, как вторая тетушка бранила меня за глупость и непослушание. Остальные братья и сестры, хотя и относились ко мне неплохо, все же были рождены от других матерей.

У меня была лишь ты, моя старшая сестра. Мы появились в одной утробе. Ты всегда жалела меня, и, даже если я, твоя младшая сестра, сделала что-то не так, мне все равно, будешь ли ты бить меня или ругать, – я все снесу. Но ты совсем не обращаешь на меня внимания, и я... Я...

Равнодушные сестры в последние дни действительно расстраивали меня. Кроме того, я вспомнила своих родителей, которых мне больше не суждено увидеть. Из глаз брызнули горячие слезы, горло перехватило. У сестры в глазах тоже стояли слезы. Она крепко сжала меня в объятиях, и мы, обнявшись, плакали до тех пор, пока не прибежали Цяохуэй и Дунъюнь – их увещеваниями мы постепенно успокоились.

– Тебе обязательно нужно умирить свой нрав, – сказала Жолань, утирая глаза платком. – Вспыльчивость точно не доведет тебя до добра. – Помолчав, она медленно добавила: – Ты думала, с Миньюй-гэгэ из семьи Гороло можно драться? Если бы в этот раз господин бэйлэ не взял всю вину на себя, ни первая супруга, ни семья императорского зятя не оставили бы тебя в покое.

Я видела, что сестра страдает, но лишь кивнула в ответ на ее слова.

С того дня, когда мы с Жолань, обнявшись, плакали навзрыд, ее гнев окончательно улетучился, и она стала относиться ко мне с еще большей нежностью и заботой. Близился Праздник середины осени, но первой супруге по-прежнему нездоровилось, поэтому все заботы по подготовке празднества в поместье легли на плечи Жолань, и она с утра до ночи крутилась как белка в колесе.

С моей души свалился камень, и я пребывала в чудесном настроении, снова наслаждаясь жизнью в богатстве и довольстве. Особенно меня радовало то, что десятый и четырнадцатый принцы прониклись моими жалобами на скуку и время от времени отправляли ко мне слуг со всякими занимательными безделицами, не раз спасая меня от тоски. Я полюбила строить догадки о том, что же они пришлют в следующий раз, и все служанки радовались вместе со мной – смех в нашей комнате почти не стихал.

Не успела я и глазом моргнуть, а Праздник середины осени уже был на пороге. Всех в поместье охватило радостное волнение. Поскольку нам предстояло посетить пиршество во дворце, сестра ежедневно втолковывала мне правила хорошего тона. Когда позволялось отлучиться в отхожее место, а когда следовало сидеть неподвижно, у кого можно было получить подарок, как вести себя за столом – все это она заставляла меня заучивать снова и снова, боясь, что в нужный момент мои манеры окажутся неподобающими.

В пятнадцатый день лунного календаря после полудня господин бэйлэ, Жолань и я, нарядные самым надлежащим образом, сели каждый в свой паланкин и направились в Запретный город.

В университете я посещала факультативные занятия, посвященные классической китайской живописи, а в Запретном городе часто проходили художественные выставки, поэтому я много раз бывала там. Ориентировалась я, впрочем, лишь в ближайших окрестностях галереи. Запретный город огромен, я ни разу не обошла его целиком. Сегодня же я собиралась посетить этот дворец во времена его расцвета и соврала бы, сказав, что перспектива меня не тронула.

Мелькали врата, охраняемые солдатами. От бесконечных приветствий у меня уже шла кругом голова. Волнение росло, и я так боялась сделать неверный шаг, что совершенно не смотрела по сторонам. В глубине души я горячо благодарила сестру за то, что так упорно тренировала меня.

На ватных ногах я добралась до своего места и села. Расслабившись, я огляделась вокруг. Горели десятки тысяч фонарей, и от этого в зале было светло как днем. В воздухе витал аромат сандаловых благовоний, тлевших в бронзовых треножниках. Повсюду были расставлены вазы с бутонами вечнозеленых цветов, свет серебрился, будто падающий снег, и все кругом сияло, словно драгоценные камни.

Я вздыхала про себя: никому не под силу повторить даже малую часть подобного великолепия, куда там всем современным сериалам!

Мало-помалу все собрались и расселись по местам – наложницы, принцы с женами и родственниками и прочие гости. Вскоре показалась процессия евнухов. Они шли довольно быстрым шагом, и каждый встал в строго определенном месте. По залу разнесся голос одного из них:

– Прибыл Его Величество!

Все встали. Прошло еще немного времени, и в зал медленно вошел улыбающийся мужчина средних лет. Невысокого роста, он был одет в желтое парадное лунпао³⁰, а его головной убор украшал великолепный нефрит. Весь его вид заставлял вспомнить о древних временах.

Зал наполнился шорохом и стуком – все кругом попадали на колени. Вот он, подумала я, великий император Канси!

В зале яблоку было негде упасть, но тишину не нарушал ни единый вздох. Дождавшись, пока император сядет на свое место, стоявший рядом евнух громко велел:

– Поднимитесь!

Все один за другим поднялись на ноги.

Счастливо улыбаясь, император Канси обвел взглядом своих подданных и произнес:

– Садитесь! У нас сегодня праздник, будьте как дома.

– Слушаемся! – откликнулся хор голосов, и все расселись по местам.

Мне подумалось: вот он, признак величия, доказательство, что император – истинный Сын Неба и власть его простирается на всю Поднебесную. Никто не осмелится нарушить хоть малое правило, все боятся совершить самый незначительный промах, страшатся даже вздохнуть.

Атмосфера оживилась лишь после третьего тоста.

Младшие принцы развеселились и одну за другой поднимали чаши; чаще других слышался звонкий голос десятого принца. Наследный принц, а также четвертый и восьмой наслаждались беседой и вином. Скользя глазами по сторонам, я неожиданно наткнулась на ненавидящий взгляд Миньюй-гэгэ. Я немедленно одарила ее самой блестящей из своих улыбок: ну давай, побесись! Она совсем почернела от злости, но вдруг, словно озаренная какой-то мыслью, сжала губы, а затем очаровательно улыбнулась мне в ответ. В тот же миг мое тело обдало холодом, а руки задрожали. Страшен волк в овечьей шкуре, подумала я.

³⁰ Лунпао #кит.###– китайское парадное одеяние императора времен династии Цин. Отличительными чертами являются изображение дракона и желтый цвет – только император обладал правом носить одеяние с такими элементами.

Застолье шло своим чередом – гости пили, ели и смеялись. На меня никто не обращал внимания, но мне вовсе не было скучно. Такой чудесный праздник, как можно ему не радоваться?

Так я и сидела, тихо веселясь, как вокруг неожиданно воцарилась тишина. Я подняла голову – все смотрели на меня. Затем я услышала голос евнуха:

– Пусть Малтай Жоси выйдет вперед и представится Его Величеству!

От испуга я поначалу застыла, но быстро встрепенулась, торопливо покинула свое место и вышла вперед, преклонив колени. Едва не касаясь пола лбом, я произнесла дрожащим голосом:

– Всех благ великому императору!

– Поднимись, – сказал император Канси.

Вставая на ноги, я раздумывала, что все это значит.

– Это и есть «тринадцатая-сорвиголова»? – с улыбкой поинтересовался император.

– Вот уж не думала, что она окажется очаровательной девочкой, – заискивающе улыбаясь, воскликнула одна из сидевших рядом наложниц.

Я очень волновалась, оказавшись на виду у всех. Глядя на меня, император Канси с усмешкой спросил:

– Ты волнуешься, стоя перед Нашим Величеством?

Я решила, что промолчать точно будет невежливо, и ответила:

– Да!

– Почему? – Император откровенно веселился.

– Я впервые вижу лицо Сына Неба. Он безгранично грозен и велик, и это вызывает во мне трепет, – ответила я, немного поразмыслив.

– Ты считаешь нас грозным? – хмыкнув, снова бросил в меня вопросом Его Величество.

Вот черт, подумала я, и что ему неймется? Я усердно обдумывала свой ответ, зная, что если он будет неверным, то мне конец.

Видя мое замешательство, император Канси, сияя улыбкой, продолжил расспросы:

– Ты боишься нас?

Я рассудила, что лишь тираны желают, чтобы люди боялись их, а просвещенные правители испокон веков хотели от подданных уважения и подчинения по доброй воле. Не смея больше молчать, я торопливо произнесла:

– Вовсе нет. Ваше Величество – величайший правитель нашей эпохи, чего вашей покорной служанке бояться? Дело в том, что она впервые попала во дворец, и теперь, когда воочию увидела столь грозного и величественного императора, ее охватило волнение.

– Величайший правитель нашей эпохи? Почему ты считаешь нас величайшим правителем эпохи? – не унимался император.

О небеса, как я несчастна! Почему я так считаю? История давно вынесла свое суждение, и не могу же я просто взять и процитировать слова самого императора Канси: «Взошел на престол в шесть лет, заключил в тюрьму князя Обоя, подавил восстание трех “князей-данников”, присоединил Тайвань, разгромил хана Галдана-Бошогту»... Такую оценку он дал самому себе в поздние годы правления, я не стала красть его реплику. Я изо всех сил работала головой, казалось, я даже слышу, как натужно скрипят мои мозги. Внезапно я вспомнила стихотворение Мао Цзэдуна «Снег», напечатанное в учебнике, по которому мы учились в старшей школе. Я сочла его весьма подходящим; к тому же дольше медлить было нельзя, пора было спасти свою жизнь, и я отчетливо продекламировала:

*Цинь Шихуан и государь У-ди
Владели кистью крайне неумело.
Тай-цзу с Тай-цзуном уступали им,*

*История их гений не воспела.
Великий хан монголов Чингисхан
Лишь в беркутов пускал стальные стрелы.
Их всех уж нет, канули в тьму веков;
«Сегодня» явит новых мудрецов.*

Император Канси, кивая, слушал меня. Затем он со смешком сказал:

– Я уже привык к сравнениям с Яо, Шунем, Юем и Таном. Но сегодня я услышал что-то новое!

В душе я громко охнула – как я могла забыть о Яо, Шуне, Юе и Тане? Впрочем, стихотворение Мао Цзэдуна тоже возымело эффект, и весьма неплохой. Можно считать, лезть мне удалось.

– Похоже, ты у нас не только «сорвиголова»! – промолвил император и обратился к стоявшему рядом евнуху: – Пожаловать ей награду!

Я поспешно рухнула на колени. Приняв награду, я вернулась на свое место и обнаружила, что мои ладони взмокли от пота. Я подняла глаза, но, поймав на себе внимательные взгляды наследника и четвертого принца, немедленно потупилась.

После такого забавного эпизода император Канси пребывал в чудесном настроении, а с ним и весь сонм наложниц – они спокойно беседовали и смеялись.

Принцы один за другим поднимали чаши за здоровье отца и желали ему всех благ.

Девятый принц сел обратно за стол, и десятый принц занял его место перед императором.

– Мой царственный отец, – сказал он, держа чашу в руке. – Мои братья уже сказали тебе все добрые слова. Мне нечего добавить, кроме того, что я желаю отцу крепкого здоровья.

С этими словами он задрал голову и выпил вино до дна.

– Не можешь запомнить ни одной цитаты из письменных трудов, – покачал головой император. – Говоришь языком простолюдина.

Стоявшая рядом с Его Величеством прелестная наложница заметила, улыбаясь:

– Это простая речь, но сказано от души!

Кивнув, император Канси бросил взгляд на десятого принца, подумал о чем-то и сказал:

– Уже семнадцать.

– Девятый принц уже женился в этом возрасте, – произнесла та же наложница. – Десятому принцу тоже пора подобрать супругу.

Стоило ей заговорить, как все принцы наострили уши. Десятый стоял, опустив голову, с таким видом, будто глубоко ушел в свои мысли.

– Возраст подошел, – согласился император.

– Цзин-гэгэ третьего дня упомянула при мне, что маленькой Миньюй исполнилось почти столько же, – добавила наложница. – Если Ваше Величество попросит у меня совета, я скажу, что она стала бы отличной парой десятому принцу.

Услышав эти слова, десятый принц внезапно поднял голову и посмотрел на императора. На его лице читалось сильнейшее волнение.

– Отличная пара, – кивнул император Канси. Немного поразмыслив, он объявил, глядя на десятого – Пусть Горолю Миньюй станет первой супругой десятого принца!

Покраснев, десятый принц громко и торопливо произнес:

– Царственный отец, ваш сын еще мал...

– В семнадцать лет все еще мал? – перебил Его Величество.

От волнения десятый принц начал беспорядочно скрести затылок.

– И четвертый, и восьмой братья сперва завели себе вторых супругов, – объяснил он взволнованным тоном. – Выберите и мне сначала вторую супругу!

– Вздор! – произнес император с застывшим лицом. – Миньйой станет твоей первой супругой, и ты считаешь, что с тобой обходятся несправедливо?

Не находя слов от волнения, десятый принц поспешно упал на колени и пролепетал:

– Ваш сын не это имел в виду! Ваш недостойный сын всего лишь, всего лишь... Ваш сын только подумал...

Он так и не закончил свою речь. Восьмой брат с широкой улыбкой на лице поднялся со своего места и спокойно произнес мягким тоном:

– Царственный отец, ваш сын полагает, что для десятого брата это весьма неожиданная новость, оттого он и не знает, что сказать, только и всего. Стоит подождать, пока он свыкнется с этой мыслью, но тогда, боюсь, радоваться ему уже будет некогда.

Десятый принц внезапно вытаращил глаза и уставился на восьмого принца в упор. Его лицо приобрело фиолетовый оттенок, и на нем отражалась сложная смесь волнения, гнева и страдания, но больше всего было мольбы.

Восьмой принц смотрел на него в ответ, и уголки его рта были по-прежнему устремлены вверх.

– Десятый брат, – позвал он. – Скорее поблагодари отца за милость!

Десятый принц продолжал сверлить восьмого взглядом. Тот же сохранял благовоспитанный вид, но взгляд его глаз был темен и глубок, и никто не смог бы сказать, что скрывается на их дне.

В конце концов мольба, печаль и гнев покинули лицо десятого принца, и на нем осталось лишь равнодушие. Он неторопливо повернулся, поставил ладони на пол и трижды коснулся его лбом. В тишине был отчетливо слышен стук его головы о доски.

– Сын выражает благодарность своему царственному отцу! – громко произнес он.

Восьмой принц не спеша опустился на свой стул.

Мне казалось, что, отбивая земные поклоны, десятый принц стучит головой прямо об мое сердце. Бум, бум, бум – удары давили мне на грудь так сильно, что стало тяжело дышать! Конечно, я знала, что в древности браки заключались по воле родителей и по слову свахи и у молодых людей почти не было права выбора, но лишь сейчас, узрев эту сцену своими глазами, я почувствовала всю жестокость подобной традиции.

Я злобно посмотрела на Миньйой, которая все это время не спускала с меня взгляда, довольного и недовольного одновременно, с каплей печали и даже ненависти. Постепенно, впрочем, на ее лицо вернулась прежняя очаровательная улыбка, не оставив и следа грусти и недовольства. Под моим сердитым взглядом она грациозно поднялась и вышла поблагодарить государя, держась благородно и сдержанно. Она опустилась на колени рядом с десятым принцем, и мне хотелось громко закричать: почему? Почему? Разве он не принц? Разве он не занимает самое высокое положение? Почему человека с таким высоким статусом лишают самого дорогого – свободы?

Я подумала о сестре, снова бросила взгляд на происходящее у трона и вспомнила о том, что неумолимо приближается день отбора девушек во дворец. Неужели такова судьба всех, чья нога ступает под своды Запретного города? Меня охватил ужас. Неужели и мне уготована та же участь? Я взглянула на наложницу императора, по возрасту годившуюся ему в дочери, на множество незнакомых льстивых лиц за столом и задрожала как осиновый лист. В моем мозгу билась мысль: меня отдадут в наложницы вон тому старику или же я стану первой женой того молодого парня?

Я не знаю, что происходило потом; я даже не помню, как покинула дворец. Помню лишь, что стоило паланкину остановиться у дверей поместья, я выскочила из него и кинулась к воротам, слыша за спиной испуганные возгласы.

Я мчалась, летела стрелой, неслась так, будто от этого зависела моя жизнь, стремглав, изо всех сил. Мне казалось, что нужно поскорее найти место, где можно спрятаться, иначе меня обязательно каким-нибудь необъяснимым образом выдадут замуж.

Слуги, служанки, сестра – все бросились за мной, Жолань на бегу кричала:

– Жоси, Жоси...

Перейдя на быстрый шаг, восьмой принц хладнокровно приказал охранникам схватить меня. Один из них ринулся вперед и преградил мне путь. Я хотела обежать его, но он схватил меня за руку, и я отчаянно забилась – только бы вырваться, сбежать и спрятаться.

Издалека донесся голос восьмого принца:

– Оглушите ее!

Затем я почувствовала боль в затылке, и наступила темнота.

После того пиршества в честь Праздника середины осени я стала очень мало разговаривать. Цяохуэй и Дунъюнь выбивались из сил, стараясь расшевелить меня, но я ни к чему не проявляла интереса – целыми днями я либо прописывала иероглифы, либо сидела уставившись в одну точку.

Я впервые всерьез задумалась о том факте, что попала в прошлое. «Какая судьба меня здесь ждет?» – беспрестанно спрашивала я сама себя. Неужели я способна лишь сидеть и ждать, пока все это произойдет со мной?

Слуги и служанки поместья порой бросали на меня странные взгляды. Я знала, о чем они сплетничают, – мол, я сошла с ума из-за десятого принца, но мне было все равно.

Сестра молча наблюдала за мной с печалью во взгляде. С каждым днем я худела, и она вслед за мной теряла вес.

Иногда Цяохуэй тихонько говорила ей:

– Госпожа, поговорите с барышней!

– Это бесполезно, – мягко отвечала Жолань. – Пройдет время, и она сама примирится с судьбой!

Не примирюсь, думала я, ни за что, никогда. Почему моя судьба должна зависеть от одной лишь фразы, брошенной кем-то другим? С самого детства я привыкла думать, что мои сегодняшние усилия определяют завтрашний успех. Фраза «Сегодня – цветы, завтра – плоды» была моим девизом. Я просто не могла принять то, что мой удел зависит от кого-то другого, не могла, не могла! Я ненавидела небеса за то, что отправили меня сюда. Если бы я родилась здесь, тогда, возможно, я смогла бы покориться судьбе. Но ведь я прожила двадцать пять лет в современном мире, и меня учили, что наша судьба – в наших руках; а сейчас мне вдруг говорят, что все предопределено, смирись! Я не смогу этого принять!

Стояла глубокая осень, деревья потихоньку облетали. Я часто вставала под каким-нибудь деревом и наблюдала за тем, как порыв ветра взметает листья в воздух и заставляет их, кружась, падать на землю.

Листья взлетали и опадали, снова взлетали, метались то вправо, то влево, словно танцоры в неистовом танце; но в конце концов, неспособные преодолеть силу притяжения, опускались на землю, полные безграничной любовной тоски по вольному ветру.

Восьмой и четырнадцатый принцы стояли рядом и вместе со мной наблюдали за танцем облетающих листьев.

– Они горюют, не желая падать, – сказала я тихо. – Но им не избежать своей судьбы.

– «Оплакивают нежные цветы о временах былых воспоминанья, волнуют сердце крики диких птиц, жалеющих о скором расставанье»³¹, – нежным голосом процитировал четырнадцатый принц. – Вот что ты сейчас чувствуешь. Пройдет несколько дней, тебе станет лучше, и грустные мысли больше не посетят тебя.

Ничего не ответив, я продолжала наблюдать за танцующими на ветру листьями.

Немного погодя четырнадцатый принц спросил:

– Жоси, тебе же правда нравится десятый брат, не так ли?

– Да! Он очень мне нравится, – ответила я, цепко схватив круживший у меня перед глазами желтый лист. – Он такой живой и жизнерадостный. Он может заставить радоваться и меня. Но самое важное то, что он хорошо ко мне относится.

Я с силой подбросила в воздух зажатый у меня в ладони лист и, задрвав голову, смотрела, как он плавно закружился на ветру.

– Но он нравится мне совсем не так, как думают другие. Он просто мой хороший друг, – добавила я.

– Тогда почему ты так переживаешь из-за его свадьбы? – пораженно воскликнул четырнадцатый принц. – Все говорят, что тринадцатая сестричка из-за женитьбы десятого принца совсем из ума выжила от печали.

Я повернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

– Я переживаю не из-за свадьбы, а из-за того, что другие люди навязали ему этот брак, хотя он вовсе не хочет жениться. – Я немного помолчала, а затем сказала: – Я грущу, не понимая, почему чужой человек может определять твою судьбу, а ты сам – нет.

Стоило мне закончить, как четырнадцатый принц, несколько раз жадно вдохнув холодного воздуха, вперил в меня немигающий взгляд. Лицо восьмого принца окаменело, и он строго сказал, глядя прямо на меня:

– Больше не произноси подобных крамольных речей!

Я криво усмехнулась и наклонила голову. Сделав ко мне пару шагов, восьмой принц схватил меня за подбородок, заставляя взглянуть ему в глаза.

– Ты поняла? – холодно спросил он.

Я дернула головой, пытаясь высвободиться, но его хватка была стальной. Не в силах вырваться, я строптиво взглянула ему в лицо.

Он сильнее сжал пальцы и строго проговорил, выделяя каждое слово:

– Ты поняла?

Я не желала отвечать. С каждой секундой мне становилось все больнее, казалось, он хотел придушить меня.

– Восьмой брат! – позвал четырнадцатый принц.

Не обращая на него никакого внимания, восьмой принц снова спросил:

– Ты поняла?

Его взгляд был холоднее льда.

– Поняла! – неохотно произнесла я, злобно глядя на него.

Не спуская с меня глаз, он медленно разжал пальцы, тряхнул рукавами и ушел.

– Ты с ума сошла? – глухо произнес четырнадцатый принц. – Тот, кого ты назвала «чужим человеком», – император Великой Цин! Восьмой брат для тебя старается!

И он заспешил вдогонку за восьмым принцем.

³¹ Строка из стихотворения Ду Фу (712–770 гг.) «Весенние надежды».

Я осталась стоять в оцепенении среди вихря листьев, что, кружась, застилали собой небеса, и будто стала неотъемлемой частью этой прекрасной картины.

За мной пришла Цяохуэй. Услышав мои вздохи, она ласково обхватила мой локоть и сказала:

– Барышня, здесь слишком сильный ветер, давайте вернемся!

Я безропотно последовала за ней. Когда я вошла в дом, сестра торопливо поднялась мне навстречу и, взяв меня за руку, испуганно воскликнула:

– Почему твои руки такие холодные?

Она бережно усадила меня и велела Цяохуэй поскорее подать горячего чая.

Жолань растирала мне руки, зажав между своими ладонями. Тепло ее рук по капле передавалось моим ладоням, а от них и моей душе. Взглянув в исхудавшее лицо сестры, я ощутила нежность, но вместе с ней горечь и обиду. Не выдержав, я обняла Жолань и разрыдалась.

Держа меня в объятиях, сестра похлопывала меня по спине и бормотала:

– Поплачь, и станет легче, поплачь, будет легче!

Я рыдала битый час, пока не почувствовала, что осипла от слез, и лишь тогда малопомалу успокоилась. Но даже затихнув, я не разжала объятий.

Жолань молча поглаживала меня по спине. Прошло немало времени, прежде чем я, спрятав голову на груди сестры, глухо спросила:

– Миньюй-гэгэ выходит замуж за десятого принца только потому, что я ударила ее?

Сестра помогла мне подняться и вытерла мои щеки платком со словами:

– Неважно, ударила бы ты ее или нет, она все равно стала бы его женой. – Вздохнув, она добавила: – Все мы всего лишь игральные камни в руках императора! Ты думаешь, будто Его Величество сам это придумал, но на самом деле одна из наложниц предугадала его желание, а затем лишь выбрала подходящий момент, чтобы разыграть перед ним спектакль!

Я молча выслушала ее, вздыхая про себя, – отчего я решила, что все это происки Миньюй? Что это она вздумала свести со мной счеты и отнять у меня десятого принца, полагая, что он мне нравится? Все оказалось куда проще, и славно. Мое чувство вины перед десятым принцем немного уменьшилось. Ох уж эти люди из дворца! Стоит начаться холодной войне, как холодом веет отовсюду. Я с ужасом вспомнила свои неосторожные слова и крепче обняла Жолань. Не стоит нести всякий вздор, иначе сестра может пострадать.

Деревья потеряли почти всю листву, и я понемногу пришла в себя, по крайней мере внешне. Иногда я даже обменивалась со служанками парой шуточек, но ела по-прежнему без аппетита. Порой меня посещала мысль убежать из поместья. Будь я простой служанкой, побег не поднял бы особого шума – меня бы поискали-поискали, а потом забыли. Однако я была дочерью генерала и свояченицей господина восьмого бэйлэ, а кроме того, одной из тех девушек, которых ждала судьба быть избранными в дворцовый гарем. Внимательное око семьи Айсинь Гьоро³² наблюдает за всей Поднебесной, куда бы я могла убежать? Помимо этого, боюсь, если бы я вправду убежала, сестра бы этого не перенесла.

Как-то я сидела в комнате и прописывала иероглифы. Вошла Цяохуэй и доложила, что нас навестил господин четырнадцатый принц. Я отложила кисть, вышла на улицу и увидела его стоящим во дворе.

– Почему не заходишь внутрь? – спросила я после надлежащего приветствия.

³² Айсинь Гьоро #кит.#### – «золотой род»# – маньчжурский род, управлявший империей Цин.

– Пойдем прогуляемся в саду, – ответил он.

Я кивнула. Цяохуэй накинула мне на плечи украшенную вышивкой светло-зеленую парчовую накидку и велела мне не стоять на сквозняке. Дав ей обещание, я последовала за четырнадцатым принцем в глубину сада.

Мы шли по тропинке в полном молчании. Через какое-то время я сказала с деланным смехом:

– Что это с тобой? Битый час молчишь, так и со скуки умереть недолго.

– По дороге сюда я, казалось мне, был полон красноречия, – ответил он, выдавив улыбку. – А сейчас и не знаю, что сказать.

Я встала как вкопанная и взглянула на него, склонив голову.

– Я уже в полном порядке!

– Ты-то да, – вздохнул он, тоже остановившись. – Но десятый брат совсем не в порядке.

Я молчала, внимательно глядя на четырнадцатого.

– С того пиршества по случаю Праздника середины осени десятый брат не являлся ко двору, – снова вздохнул он. – Наш царственный отец несколько раз справлялся о нем, но восьмой брат каждый раз отвечал, что десятому нездоровится. Если так пойдет и дальше, отец отправит к нему придворного лекаря.

– И что ты хочешь от меня? – спросила я, разглядывая носки своих туфель.

– Сходи проведай его, – ответил он. – И поговори с ним.

После недолгого молчания я кивнула в знак согласия.

– Когда?

– Завтра, после аудиенции у государя, – произнес четырнадцатый принц. – Я зайду за тобой, а затем провожу к нему во дворец.

– Хорошо! – откликнулась я.

Мы с четырнадцатым принцем сели в повозку и в молчании двинулись во дворец. Сестра не задала мне ни единого вопроса: похоже, восьмой принц уже дал ей знать через слуг.

Подъехав к воротам, мы сошли с повозки, и слуги заботливо пересадили нас в паланкин. Прошло много времени, прежде чем паланкин остановился, и четырнадцатый принц провел меня в какой-то двор. Указав на двери прямо напротив, он сказал:

– Дальше я не пойду.

Я кивнула и приготовилась войти, когда он добавил:

– Я отослал евнухов прочь, но скоро они вернутся. Постарайся побыстрее.

Угукнув, я приподняла занавесь и скрылась за ней.

Я оказалась в гостиной, пропитанной крепким запахом алкоголя. Здесь никого не было. Я заметила сбоку небольшую арку, закрытую занавесью из бус, и, отодвинув мелодично звякнувшие нити, переступила порог. В кровати на боку, спиной ко мне, лежал десятый принц. Не открывая глаз, он заорал:

– Я же велел не беспокоить меня! Катитесь прочь!

Сделав пару шагов, я встала рядом, не сводя с него взгляда. Я хорошо продумала, что скажу, но сейчас не знала, с чего начать. Десятый принц резко открыл глаза и повернул ко мне разгневанное лицо, но тут же ярость его сменилась изумлением, а затем – печалью. Он медленно сел на постели.

Я подошла к столу и опустилась на стул. Взяв со стола чайничек для вина, я слегка поболтала его в руках – внутри еще оставалось немного. Я поставила его обратно и, помолчав, спросила:

– Собираешься и дальше напиваться? Думаешь, если будешь пьян, то можно будет не жениться на Миньюй-гэгэ?

– Просто у меня на душе тоска, – ответил он после недолгого молчания.

– И что же вызвало эту тоску? – спросила я.

Он опустил голову, натягивая сапоги, и неохотно проговорил:

– А ты как думаешь?

В этот момент паника во мне утихла, и чем дальше, тем невозмутимее я становилась:

– Во-первых, ты расстроен из-за того, что должен жениться на Миньюй-гэгэ, хотя она вовсе тебе не нравится. Во-вторых, тебе нравлюсь я, но ты не можешь взять меня в жены.

Он вскочил и сел у стола рядом со мной. Налив себе вина, он уставился на дно чаши и застыл.

– Ты согласна стать моей второй женой? – еле слышно произнес он после долгого молчания.

Я замерла. Среди моих заготовленных речей не было подобного пункта. Я совсем забыла о том, как популярна была в старину идея о двух женщинах, совместно заботящихся об одном муже.

Подняв голову, он устремил на меня жадный, пылкий взгляд и с горячностью произнес:

– Я буду хорошо с тобой обращаться, обещаю...

– Я не хочу, – поспешно перебила я.

От волнения он стиснул зубы, а затем кивнул и залпом осушил чашу.

– Я знаю! Ты вряд ли бы согласилась, даже если бы я предложил тебе стать первой супругой, но во мне все равно тлел уголек надежды. Сейчас же... – он горько усмехнулся, – это тем более невозможно.

Взяв со стола другую чашу, я стала вертеть ее в пальцах.

– Если уж ты все понял, так и веди себя как умный человек! Не стоит заставлять волноваться остальных бэйлэ и тем более навлекать на себя гнев императора!

Он снова наполнил чашу, выпил ее и произнес:

– Я уже подчинился воле отца, так неужели не могу даже дать волю своему гневу?

Взяв чайничек с вином, я налила и себе чашечку.

– Ты уже подчинился в главном, так с какой стати печалить близких и радовать врагов по всякой ерунде? – сказала я и залпом выпила вино.

У меня запершило в горле. Я закашлялась, прикрыв рот платком, и услышала мягкий голос десятого принца:

– Жоси, я тебе нравлюсь?

Я подняла голову и увидела в его глазах надежду, волнение и страх, смешанные воедино. Опустив глаза, я некоторое время молчала, крутя в руках носовой платок, а затем тихо ответила:

– Нравишься.

Он тяжело вздохнул, а потом рассмеялся:

– Жоси, я так рад. Знаешь, давно хотел задать тебе этот вопрос, но боялся того, что мог услышать, поэтому не осмеливался. – Он осушил еще одну чашу. – Не беспокойся! Со мной все будет хорошо. В будущем я стану вспоминать песню, что ты когда-то пела мне, вспоминать, как ты дразнила меня и смеялась, как переживала за меня, – это уже делает меня счастливым.

Он немного помолчал, а затем отрывисто продолжил:

– С самого моего детства все считали меня бестолковым, я плохо учился и не стремился стать лучше. Откуда им было знать, что я делал все, что в моих силах? Я старался, но не мог

сравниваться с братьями. Им стоило раз пробежать глазами по строчкам, чтобы запомнить прочитанное, а я и после третьего раза ничего не мог запомнить. Они схватывали на лету все, что говорил отец, а мне приходилось ломать голову, и все равно я не мог взять в толк, о чем он говорит. Нрав у меня вспыльчивый, и я часто попадал в неприятности из-за своих неосторожных действий. Все кругом, тайно или явно, смеялись надо мной, и лишь восьмой брат обычно защищал меня, хотя и он не скупился на упреки. – Помолчав с минуту, десятый принц тихо спросил: – Жоси, ты считаешь меня глупым?

Я улыбнулась одними губами:

– Глупым? Но кто, как не глупец, стал бы надо мной издеваться и дразнить меня? – Собравшись с мыслями, я добавила: – Но мне нравится проводить с тобой время именно потому, что ты глуп. Потому что я знаю, что если ты радуешься, то ты действительно рад, недоволен – взаправду недоволен; если тебе что-то нравится, то нравится без всяких сомнений, а если ты что-то ненавидишь, то так и есть. Ты не похож на тех, кто плетет слова, радушно улыбаясь, а в душе таит ненависть. Рядом с тобой я могу громко смеяться, когда мне радостно, и не прятать гнев или недовольство. Знаешь, я счастлива, когда мы вместе, очень счастлива.

Пока я говорила, он не отрывал от меня взгляда. А когда я закончила, отвернулся. После недолгого молчания он негромко произнес глубоким, немного гнусавым голосом:

– Я тоже счастлив.

Мы оба замолчали. Мы сидели, не произнося ни слова, пока снаружи не донесся голос четырнадцатого принца:

– Пора возвращаться!

Я поднялась, взяла в руки чайничек и разлила остатки вина. Взяв одну чашку, я передала десятому принцу другую и, подняв свою за его здоровье, залпом осушила ее, а затем, перевернув, поставила на стол донышком вверх. Десятый принц последовал моему примеру и тоже выпил до дна.

Я улыбнулась ему и склонилась в поклоне со словами формального прощания:

– Жоси просит позволения откланяться!

Выпрямившись, я подняла занавеску и вышла.

Глава 5

Легко пьянит вино, что выпито в печали

Беззвучно падал первый в этом году снег. Он падал весь день, и наутро, проснувшись, я обнаружила, что мир стал чистым и белым-белым.

Я больше трех лет не видела снега – с тех пор, как закончила университет и уехала работать в Шэньчжэнь. Почувствовав воодушевление и невообразимый восторг, я вознамерилась немедленно прогуляться по снегу, что искрился, словно хрусталь.

Поняв, что ей меня не отговорить и остается лишь подчиниться, Цяохуэй побежала искать для меня плащ с капюшоном и теплую шапочку. Я выбрала ярко-красный муслиновый плащ, подбитый белым кроличьим мехом, надела шапку в тон и поторопилась на улицу, желая поскорее ступить на свежий снег.

– Возвращайтесь пораньше! – кричала Цяохуэй мне вслед.

В воздухе невесомо кружили снежинки. В белой пелене мир казался неясным и размытым – в десяти шагах уже было ничего не разглядеть.

Я шла без особой цели, наобум. Кругом не было ни души. Мои ноги то и дело проваливались в снег. Я шла и думала о том, что, как бы ни был велик этот мир, мне не по пути с живущими в нем, я была здесь совсем одна и, неприкаянная, бродила между небом и землей.

До моих ушей донесся шорох: некто догнал меня и пошел рядом.

Слегка повернув голову, я обнаружила возле себя восьмого принца, одетого в черный, подбитый соболиным мехом плащ и широкополую темную бамбуковую шляпу. Молча он шел рядом со мной по снежному покрывалу.

Тишину нарушал лишь скрип снега под нашими ногами, как будто во всем этом безбрежном белом мире остались только мы двое. И чувство одиночества, поселившееся в моей душе, пока я гуляла одна, постепенно растворилось, сейчас я чувствовала спокойствие и безмятежность. Казалось, я могла идти так целую вечность.

Внезапно я споткнулась о притаившийся в снегу камень и пошатнулась, осознавая, что сейчас упаду, и сетуя на собственное невезение. Но тут рука спутника крепко схватила меня, удержав на ногах. Не издав ни звука, я выпрямилась и снова пошла вперед. Восьмой принц, тоже молча, двинулся следом, так и не выпустив мою ладонь. Я несколько раз дернула рукой, пытаясь избавиться от его хватки, но не преуспела, и мне пришлось просто позволить ему идти рядом, держа мою ладонь в своей.

Он шагал и шагал, продолжая тянуть меня за руку. Я совсем не смотрела по сторонам и просто шла за ним, давно потеряв направление: кругом был один снег, и я понятия не имела, где мы находимся.

Мы шли и шли до тех пор, пока один из приближенных восьмого принца, евнух по имени Ли Фу, не вышел нам навстречу. Когда я его увидела, он уже был совсем близко. Я попыталась торопливо выдернуть свою руку из хватки восьмого принца, но он только крепче сжал пальцы и распорядился:

– Пусть все покинут кабинет!

Ли Фу поклонился, развернулся и убежал. Я снова и снова пыталась высвободить руку, но восьмой принц все так же крепко сжимал мою ладонь, увлекая меня за собой. И скоро мы оказались возле кабинета. У дверей стоял лишь Ли Фу. Увидев нас, он поспешил согнуться в поклоне. Восьмой принц, не обратив на евнуха никакого внимания, направился напрямик в кабинет, таща меня за собой.

Только теперь он наконец отпустил мою руку и помог мне снять шапочку. Он намеревался помочь мне и с плащом, но я испуганно отпрыгнула на пару шагов со словами:

– Я сама.

Он улыбнулся и на какое-то время забыл обо мне, переключившись на собственный плащ и шляпу.

В кабинете горели жаровни, распространяя живительное тепло. Я повесила плащ на крючок и застыла, не зная, что делать дальше.

Восьмой принц налил в чашку горячего чая и протянул ее мне. Я машинально взяла ее и сжала в ладонях, согревая их.

Он подошел к письменному столу и сел за него, а затем достал кипу деловых бумаг и принялся их просматривать. Я сжимала в руках чашку и продолжала стоять, не двигаясь.

Прошло немало времени, прежде чем восьмой принц вскинул голову и со смехом произнес:

– Ты, видно, любишь стоять?

Вздрыгнув от испуга, я торопливо села на самый дальний от него стул. Восьмой с улыбкой покачал головой и, больше не обращая на меня внимания, углубился в документы, время от времени берясь за кисть и делая какие-то пометки.

Так мы и сидели. Пару раз бесшумно входил Ли Фу, приносил свежий чай, добавлял в жаровни угли. Его движения были ловкими и отточенными; он ни разу не издал ни единого шороха.

Первое время я не осмеливалась поднять глаза и изучала пол под ногами. Потом, поняв, что восьмой принц полностью поглощен документами, я постепенно набралась храбрости и стала тайком поглядывать на него. Он был одет в светло-голубое чанпао. Чистая, словно искрящаяся кожа, ясный взгляд, улыбка, затаившаяся в уголках губ. Порой, работая с бумагами, он слегка хмурил брови, но его лоб почти сразу разглаживался. Выводя кистью иероглифы, он выглядел возвышенным и непогрешимым, живым воплощением фразы «Изящен, словно капли росы на бамбуковых листьях, обдуваемых прохладным ветром, а манеры изысканны, как чистейший жемчуг и драгоценная яшма».

Глядя на этого человека с безупречными манерами, я никак не могла понять: как так получилось? Как могло произойти, что Юнчжэн наградил его титулом «Акина», сравнив со свиньей? Даже обезглавливание не свидетельствовало бы так ярко о ненависти Юнчжэна!

Я глядела на восьмого принца, и в моей душе на сотни ладов ревела буря разнообразных чувств.

Не знаю, как долго мы сидели, но в конце концов я захотела есть. Оглядевшись по сторонам, я заметила, что у него на столе стоит пара блюдец со сладостями. Помявшись в нерешительности, я все-таки отважилась. Поднявшись, я подошла к столу, выбрала пирожное и сразу сунула в рот. Восьмой принц вскинул голову и, взглянув на меня, изогнул губы в улыбке.

– Если я в ближайшее время не вернусь, сестра непременно будет беспокоиться, – сказала я.

Улыбаясь одними губами, он опять молча опустил голову. Снова подняв глаза и потирая висок, он позвал:

– Ли Фу.

Быстрыми шагами в кабинет вошел Ли Фу и, согнувшись в легком поклоне, приготовился выслушать распоряжения.

– Проводи вторую госпожу домой.

Ли Фу немедленно распрямился, подал мне плащ и шапку, а затем помог мне одеться, и мы вышли на улицу.

Под ногами, как и прежде, шуршал снег, и вокруг по-прежнему не было ни души. Ли Фу шел впереди. Внимательно следя за дорогой, я поняла, что он выбирал самые дальние и глухие тропки, по которым и в обычное время мало кто ходил, а сейчас там вряд ли можно было встретить даже птиц. Вдоволь попетляв, мы вышли к какой-то узкой тропинке, возле которой Ли Фу остановился и с поклоном сообщил мне:

– Следуйте по этой дорожке, и очень скоро увидите ваш дом. Слуга должен вернуться, чтобы выполнять другие поручения господина, поэтому он не будет провожать госпожу.

– Иди! – Я отпустила его кивком головы.

Присев на левое колено, он распрощался и ушел.

В последние дни я частенько машинально бросала взгляд на свою левую руку и замирала. То мне казалось, что я понимала причину поведения восьмого принца, то была уверена, что не понимаю ровным счетом ничего. В старшей школе я как-то испытала пылкую влюбленность, но чувства подростков достаточно примитивны, и мне оставалось лишь гадать, что творится у него в душе.

Он влюблен или нет? Развлекается или искренен? Действовал экспромтом или давно вынашивал какие-то планы? Я не знала!

Кем были красивые девушки для этих выросших во дворце мужчин, погрязших в междоусобной грызне? Красивой декорацией в моменты душевного равновесия и способом развлечься – в минуты разлада. Если говорить о десятом принце, который испытывал ко мне чистосердечную привязанность, то и он не видел особой разницы – жениться на мне или на Гороло-гэгэ. Я уже на самом деле перестала на что-то надеяться.

Когда я училась решать геометрические задачки, у меня быстро выработалась привычка: оказавшись в тупике, я тут же откладывала задачу в сторону, и через некоторое время решение приходило само собой. В этот раз я поступила так же – бросила размышлять над этим крайне трудным вопросом, поняв, что ничего не понимаю. Время само подскажет мне ответ.

Через трое суток должен был наступить день бракосочетания десятого принца, и ни о чем другом я думать не могла.

Со дня нашей встречи прошло больше месяца, и за это время мы ни разу не виделись. До меня лишь дошел слух о том, что император Канси пожаловал ему собственную резиденцию.

Я размышляла, стоит ли мне идти на пиршество по случаю его женитьбы. В конце концов я решила, что не стоит искушать судьбу и лучше мне там не появляться.

Я объявила о своем решении сестре, и она равнодушно сказала:

– Ну и не ходи!

Однако стоило ей уйти, как Цяохуэй, потянув меня за рукав, сообщила:

– Госпожа никогда не навещает первую супругу, кроме как по праздникам и прочим дням, когда это обязательно, и та этим весьма недовольна. Если вы, барышня, не поздравите гэгэ со свадьбой, на госпожу посыпятся упреки в том, что вы обе не имеете никакого понятия о приличиях.

Мне оставалось лишь найти Жолань и сказать ей, что я передумала. Сестра так же равнодушно ответила коротким «Хорошо!», но затем добавила:

– Иди, но на этот раз не вздумай устроить какой-нибудь скандал.

Я с улыбкой поручилась, что ни за что не наделаю хлопот.

Не успела я моргнуть, как наступил день свадьбы. Я надела персиковую с золотой окантовкой курточку на подкладке, чтобы выглядеть чуточку счастливее и скрыть уныние в душе.

Господин восьмой бэйлэ уехал первым, а чуть позже выехали и мы с сестрой, вдвоем в одном паланкине.

Свадебное пиршество проходило в новом поместье десятого принца, пожалованном ему императором, и, когда мы прибыли, у ворот уже яблоку негде было упасть – повсюду виднелись дорогие повозки, запряженные лучшими лошадьми.

Это поместье не шло ни в какое сравнение с усадьбой восьмого бэйлэ, но, на мой взгляд современной горожанки, оно было достойно называться величественным и великолепным.

Вдоль дорожек были развешаны ленты, флажки и фонари, озарявшие своим светом все кругом. В воздухе витал аромат благовоний, отовсюду доносились звуки музыки и шум разговоров – словом, картина перед глазами представляла неописуемо роскошная и безгранично счастливая.

Зал представлял собой океан из улыбающихся людей, полный смеха, песен и болтовни. Мы с сестрой, предоставленные сами себе, сидели молча, выбиваясь из картины всеобщего веселья. Хотя я и не поднимала глаз от пола, я знала: каждый, кто присутствовал в зале, намеренно или нет, украдкой поглядывал в мою сторону. Я ощущала себя не в своей тарелке, и мне очень хотелось встать и уйти. Впрочем, я осознавала, что если уйду сейчас, то надо мной будут смеяться еще сильнее. Нужно хотя бы дождаться прибытия новобрачной.

Мысленно вздохнув, я посоветовала себе относиться ко всему философски. Попробовав растянуть уголки рта, я обнаружила, что, пожалуй, смогу даже изобразить улыбку. Вскинув голову, я медленно обвела зал взглядом, сияя ослепительной улыбкой. Забавно: все, на чей любопытный взгляд я отвечала своим, по какой-то причине тут же отводили глаза.

В душе я холодно усмехалась, и чем смешнее мне становилось, тем очаровательнее я выглядела. Вдруг я наткнулась на взгляд четвертого принца. Его глаза с непроглядно-черными зрачками холоднее льда, казалось, ничего не выражали, но я почувствовала, как улыбка спол-

зает с моего лица. Мое невыносимое смущение, похоже, от него не укрылось, и мне негде было спрятаться от его острого взгляда.

Я тихонько вздохнула и силой заставила себя вернуть улыбку на лицо. Вложив во взгляд немного злости, я вскинула голову и с удовлетворением отметила, что в ответном взгляде мелькнуло любопытство.

Вбежал слуга и крикнул:

– Новобрачная скоро прибудет, готовьте паланкин.

Тут все спохватились, что еще не видели новобрачного. Оглядев зал, я поняла, что и восьмого принца нет среди гостей. Мы с Жолань обменялись тревожными взглядами.

Я быстро проскользнула к четырнадцатому принцу и шепотом спросила:

– Что случилось?

Тот тоже был в замешательстве.

– Вчера я виделся с десятым братом, и все было в порядке!

Я запаниковала, думая про себя: великие небеса, десятый, старина, ты не мог обойтись без глупостей в такой важный момент?

Заметив, что я побледнела, четырнадцатый принц торопливо сказал:

– Не волнуйся, с ним восьмой брат, ничего серьезного не случится.

Я только кивнула в ответ.

Шум в зале становился все сильнее, и мое сердце стучало все тревожнее. От ворот слышались крики слуг:

– Десятый принц, десятый принц!

Я обернулась на крики и увидела десятого принца, одетого в свадебный наряд. Вместе с восьмым они стояли у ворот. Евнухи поспешно провели десятого принца в усадьбу.

С улыбкой на лице восьмой принц, не забывая о приветствиях, проворно пробиравшись в зал. Когда он приблизился к наследному принцу, тот поинтересовался:

– В чем дело?

– Свадебный наряд не пришелся десятому брату впору, – с усмешкой ответил восьмой принц. – В досаде он отказывался выходить к гостям.

Услышав об этом, все гости дружно разразились хохотом. Нашлись те, кто закричал:

– Десятый принц испугался, что не понравится новобрачной и та откажется разделить с ним ложе!

Присутствующие захохотали еще громче.

Заложив руки за спину, восьмой принц стоял рядом с наследным принцем с легкой улыбкой на губах и глазами продолжал приветствовать гостей.

Поняв, что он вот-вот заметит меня, я поспешно пригнула голову. Мы не виделись с той самой прогулки по снегу, и, сама не зная почему, я немного боялась этой встречи. Краем глаза я увидела четвертого принца. С бесстрастным лицом он стоял посреди смеющейся толпы и равнодушно смотрел вдаль.

Наконец грянула музыка, и все столпились у дверей зала.

Сжавшись позади толпы, я мельком увидела десятого принца с алой лентой в руке, который вел за собой новобрачную с алым свадебным покрывалом на голове. Пройдя зал насквозь, они под дружный смех гостей скрылись во внутренних покоях.

Это зрелище заставило меня вздыхать без остановки. Затем я вспомнила о том, что десятому принцу еще предстоит выйти из покоев и обойти все столы, поднося каждому гостю празд-

ничное вино. Я не представляла, как он будет наливать вино мне. Я показала сестре на дверь, и та согласно кивнула.

Убедившись, что никто не смотрит, я тихо выскользнула из зала.

В двенадцатом месяце в Пекине было очень холодно, но мне был необходим этот холод – только он мог успокоить мою внутреннюю печаль.

Мороз пробирал до костей. Я прижала руки к груди, вобрала голову в плечи и, сгорбившись, направилась на поиски какого-нибудь уединенного места. Идя по тропе, я услышала впереди чей-то голос:

– Если тебе так холодно, то чего ты тут шляешься?

Подняв голову, я увидела тринадцатого принца, который сидел на перилах и с насмешкой смотрел на меня. От неожиданности я брякнула:

– А ты почему не пьешь вино в зале?

– Что ты здесь делаешь? – глумливо спросил он.

Я замолкла, не зная, что ему ответить. Вдруг я спохватилась, что еще не поприветствовала его, и тотчас согнулась в поклоне:

– Всех благ тринадцатому принцу!

– Тот, кому следует желать всех благ, находится в зале! – холодно усмехнулся он.

Не дождавшись разрешения выпрямиться, я так и продолжала стоять согнувшись. Лишь спустя какое-то время тринадцатый наконец сказал:

– Поднимись!

И я медленно распрямилась, ожидая, пока он уйдет.

Но он и не подумал двинуться с места и неожиданно выпалил ни с того ни с сего:

– Сегодня у нас обоих горе! Так почему бы нам не составить друг другу компанию?

Я смотрела на него в полном недоумении.

Спрыгнув с перил, он широким шагом подошел ко мне, схватил меня за руку и куда-то потащил. Он стремительно несясь вперед, и я, неспособная высвободиться, была вынуждена бежать за ним, крича:

– Пусти!

Продолжая тащить меня за собой, тринадцатый принц покинул поместье через одни из боковых ворот. Он бросил холодный взгляд на стерегущего их привратника, и тот не осмелился произнести ни слова. Затем принц засвистел, и я почти сразу услышала приближающийся стук копыт. К воротам прискакал огромный породистый вороной конь с лоснящейся шкурой и остановился прямо напротив нас.

Я не успела даже вскрикнуть, сразу оказавшись на спине скакуна. Тринадцатый принц забрался в седло вслед за мной и, пропустив руки по обе стороны от моей талии, схватил поводья. После короткого «Н-но!» конь рванул с места так резво, будто у него выросли крылья.

Мне еще не доводилось сидеть на таком быстром скакуне. Чем дальше, тем сильнее мне казалось, что мы действительно летим среди облаков. Безумно напуганная тряской, я изо всех сил откидывалась назад, находя опору в объятиях тринадцатого принца. Встречный ветер резал лицо, будто ножом. Прячась от его безжалостных лезвий, я повернула голову и уткнулась лицом в плечо принца.

Мое тело одеревенело от холода, и я спрашивала себя, сколько еще продлится эта гонка. Что вообще этот деспот себе думает, он что, хочет заморозить меня до смерти? Неужели он влюблен в Минъюй-гэгэ? Иначе почему он решил, что горе у нас обоих?

Конь стал постепенно замедляться и вскоре совсем остановился. Тринадцатый принц спешился первым, а затем снял меня, обхватив за талию руками. Стоя на твердой земле, я ощущала, как холод пробирает меня до костей.

Я обняла себя за плечи и сжала зубы, трясаясь всем телом.

Принц вытащил из седельной сумки флягу и выдернул пробку, другой рукой придерживая мою голову.

– Выпей, – сказал он, поднося флягу к моим губам.

Дрожа, я сделала глоток, и обжигающая влага заструилась по моему пищеводу.

– Выпей еще, – велел он.

Повинуясь его рукам, я сделала еще один глоток.

Жар потихоньку расползся по всему телу, и я наконец пришла в чувство. Впрочем, я продолжала безостановочно дрожать.

Не обращая на меня внимания, принц двинулся в заросли. Я хотела окликнуть его, но поняла, что от холода не могу издать ни звука.

Стемнело, а я продолжала стоять там совсем одна – рядом был только конь. Едва живая от холода и страха, я поклялась себе больше не задирать Миньюй-гэгэ, потому что справиться с этим деспотом мне было явно не под силу.

Тринадцатый принц вскоре вернулся, неся в руках охапку хвороста. Он слегка поколдовал над ней, и над ветками заплясал огонек.

Я сразу подошла ближе и села рядышком. Тринадцатый снова протянул мне флягу, и я не стала отказываться. Отхлебнув, я вернула ему флягу. Так мы сидели у костра, греясь и по очереди прикладываясь к горлышку.

Я подумала, что сестра уже наверняка с ума сходит от беспокойства. Однако, бросив взгляд на холодное лицо этого тирана, освещенное огнем костра, я поняла, что у меня не хватит смелости подать голос. Оставалось лишь надеяться, что он понимает: идея женить десятилетнего принца на Миньюй-гэгэ принадлежала императору Канси, и она не имеет со мной ничего общего. Мне не стоит больше нарываться, иначе, боюсь, мне не суждено увидеть, как Юнчжэн взойдет на престол, потому что я умру здесь от рук этого тирана.

Постепенно мы допили вино. Подойдя к коню, принц достал из седельной сумки еще одну флягу, и мы продолжили.

Мы пили и пили, и я начала вспоминать дела давно минувших дней. Я вспомнила, к примеру, как мы с друзьями накачивались в Гонконге, в районе Ланькуайфон, и как однажды в детстве я напилась шампанским, которое умыкнула у родителей... Затем я глупо хихикнула и замерла, глядя на огонь. А потом? Понятия не имею, что я делала потом. По крайней мере, когда тринадцатый принц разбудил меня, было еще темно. Чувствуя головокружение, я подняла на него глаза и осознала, что лежу у него на бедре.

Он потушил костер и посадил меня на спину коня.

И мы вновь бешено помчались. Я снова сжалась в его руках, почти прячась у него за пазухой и ощущая, что от холода мое тело снова утрачивает чувствительность.

Когда впереди показалась резиденция восьмого бэйлэ, уже забрезжил рассвет. Скинув меня у ворот, тринадцатый принц бросил:

– А ты умеешь пить! Как-нибудь снова возьму тебя с собой, и мы хорошенько выпьем.

Он подстегнул коня и умчался.

Все еще чувствуя головокружение и вдобавок трясаясь от холода, я постучалась головой в ворота.

Почему я не воспользовалась рукой? А вы попробуйте это сделать, когда рука заледенела от плеча до кончиков пальцев.

Ворота тут же распахнулись, и я торопливо просочилась внутрь. Один из слуг бросился поддержать меня и, дотронувшись до моей кожи, испуганно воскликнул:

– Великие небеса! Вы совсем замерзли! Будто лед!

Меня отнесли в комнату сестры. Жолань, давно не находившая себе места от беспокойства, сразу вскочила. С меня сняли одежду и искупали в спешно нагретой горячей воде. Лишь

когда мое тело наконец перестало напоминать глыбу льда, служанки вытащили меня из бадьи для купания и уложили на кровать.

Сестра сыпала вопросами, но, поняв, что я ничего не соображаю, оставила меня в покое. От хмеля клонило в сон, и я быстро провалилась в дрему.

Когда служанки разбудили меня, уже настало время ужина. Голова была немного тяжелой, а в остальном я чувствовала себя прекрасно. А я действительно умею пить, подумалось мне, – напившись, я не плакала, не шумела, лишь заснула, едва голова коснулась подушки. Не удержавшись, я мысленно похвалила себя.

Одевшись как подобает, я отправилась в обеденный зал и обнаружила там восьмого принца. Алкоголь выветрился, но соображать было трудно. Кроме того, со вчерашнего вечера у меня во рту маковой росинки не было, поэтому, кое-как поздоровавшись, я набросилась на еду, не обращая внимания ни на что кругом.

Жуя, я вдруг включила голову и подумала: как я буду объяснять, где была вчера? Пока я поспешно соображала, сестра спросила:

– Куда тебя вчера водил тринадцатый принц?

– Откуда ты знаешь? – выпалила я, обомлев.

– Как я могу не знать, если такой заметный человек вдруг взял и исчез? – ответила Жолань.

Да, подумала я, достаточно лишь спросить привратника, и будешь знать все. Но правда о том, что мы с принцем делали, была совсем уж неприглядной, и, вспомнив вчерашнее идиотское происшествие, я едва удержалась от смеха. Молоденькой девушкой я любила читать романы жанра уся и воображать, как мы с прекрасным, сильным, благородным воином стрелглав несемся на коне по зеленой равнине и воин чувственно смотрит мне в глаза, а я нежно гляжу на него в ответ. Вот уж не думала, что моя мечта, можно сказать, сбудется. Вчера мы действительно скакали вместе на одном коне, но все остальное, впрочем, не совпало. Чем больше я думала об этом, тем смешнее мне становилось, и я едва не расплылась в широченной ухмылке, сдерживаясь из последних сил, ведь на лице у сестры было не самое приятное выражение.

– Не сдерживайся, смейся! – с раздражением сказала Жолань, глядя на мои мучения. – А как отсмеешься, потрудишься объяснить!

Я наконец выпустила рвущийся наружу смех, но вдруг почувствовала на себе холодный пристальный взгляд. От испуга я спрятала улыбку и, посерьезнев, посмотрела на восьмого принца. Хотя уголки его губ и были приподняты, в глазах был лед. Видя, что я напряглась и больше не смеюсь, он торопливо опустил голову и вернулся к еде.

Сестра тоже заметила, что у меня пропало желание смеяться, и велела:

– Рассказывай! Что вы делали вчера вечером?

– Мы ездили выпить, – просто ответила я.

– Почему это тринадцатый принц вдруг взял тебя выпить с ним? – недоумевающая, поинтересовалась Жолань.

Подумав, я решила, что не стоит распространяться о личной жизни тринадцатого принца, и предположила:

– Наверное, он увидел, что я не в духе, и в нем проснулась жалость!

Сестра беспомощно покачала головой:

– Незамужняя девушка всю ночь где-то пропадает... Неужели тебе до этого было мало слухов?

Только тогда я начала что-то понимать и осознала: плохо дело! Теперь взгляды всего Запретного города точно будут прикованы ко мне. Я уже начала было нервничать, как вдруг мне стало все равно. Пускай таращатся! Кто знает, что меня ждет впереди? Нужно жить одним днем! И пусть думают обо мне, что пожелают.

Я спокойно выдохнула и с непринужденным выражением на лице вернулась к еде.

Сестра выждала немного, поняла, что я не собираюсь поднимать голову от тарелки, и произнесла:

– На этот раз все обошлось. К счастью, господин бэйлэ быстро обо всем узнал и, находясь в поместье десятого принца, все устроил – кроме нескольких доверенных слуг, никто не знает о произошедшем. Хотели послать кого-то на поиски, но, если бы мы отправили много людей, это привлекло бы излишнее внимание; отправили бы мало – от них не было бы никакого толка. Оставалось лишь уповать на то, что если тебя увез тринадцатый принц, то он обязательно вернет тебя домой, потому что послали нескольких слуг, которым можно доверять, караулить у ворот. – Немного помолчав, она многозначительно добавила: – Советую запомнить: в этот раз тебе повезло, но следующего раза не будет!

Неужели ты думаешь, возмутилась я про себя, что мне очень понравилось болтаться там на холоде и промозглом ветру? Этот деспот меня заставил! Тут я осознала, что преувеличиваю, и торопливо согласилась с сестрой. В тот момент я была не в духе, и мне хотелось развеяться, поэтому, прямо скажем, когда тринадцатый принц куда-то меня потащил, я не очень-то и сопротивлялась.

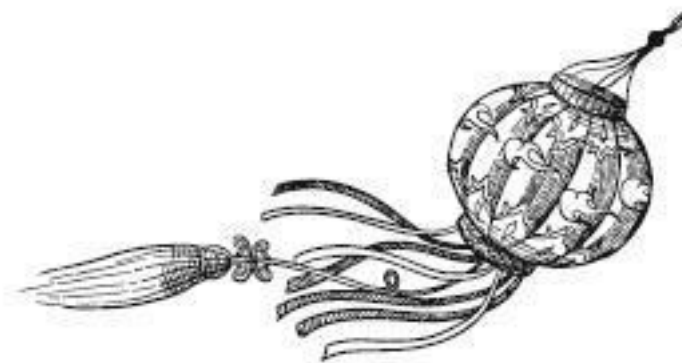
Ужин подошел к концу. Восьмой принц и Жолань, сияя улыбками, коротко поболтали и почти сразу ушли.

Весь вечер я внимательно разглядывала лицо сестры. Оно вовсе не показалось мне печальным, напротив, я отметила на нем выражение крайнего облегчения.

Мысленно вздохнув, я подумала: каким же был возлюбленный сестры, если даже такой выдающийся человек, как восьмой бэйлэ, изысканный и элегантный – словом, прекрасный принц, – не смог заставить Жолань забыть его?

Глава 6

И кто же ты, родная мне душа, единственная в целом белом свете?

Была зима, но дни стояли безветренные, пригревало ласковое солнышко, и казалось, будто под его лучами тело становится мягким, как масло. К тому же всех ожидало поистине радостное событие – конное представление-состязание, во время которого всадники будут демонстрировать свое искусство.

Несколько дней назад господин наследный принц разослал всем принцам с их женами, родственницами и прочими молодыми господами и госпожами приглашения, гласящие: вот-вот состоятся состязания, насладимся же ими все вместе, и т. д и т. п. На мой взгляд, приглашение говорило коротко и ясно: «Мне жутко скучно, приходите поразвлечься!»

В приглашении было указано, что принять участие мог любой, кто хорошо ездил верхом, – неважно, мужчина или женщина. Награды не предусматривалось, ведь все собирались лишь ради веселья, не относясь к состязанию всерьез. Конечно, были и те, кто принимал все близко к сердцу, но старался не ради награды, а чтобы произвести впечатление на наследного и других принцев. Как известно, когда приходит время делить лакомые куски, начальство вспоминает лишь тех, кто сумел отличиться.

Поначалу сестра не хотела идти, но после долгих уговоров все же передумала.

Я не умела ездить верхом, но, как и все, надела костюм для конных прогулок. Он добавлял мне храбрости, и, стоя перед зеркалом, я была весьма собой довольна. Сестра тоже похвалила мой внешний вид. Взглянув сперва на нее, а затем на себя, я тайком вздохнула: мать этих двух сестер наверняка была женщиной редкой красоты. Как жаль, что красавиц часто постигает горькая участь.

Большинство юношей и девушек из маньчжурских семей прекрасно держались в седле, что уж говорить об отпрысках императорской семьи – те тренировались едва ли не с младенчества. Сейчас все они группами, пустив лошадей шагом, прогуливались снаружи, и почти все места в закрытом с трех сторон шатре пустовали. Мы с Жолань вошли в шатер и застали там увлеченных беседой тринадцатого и четырнадцатого принцев. Завидев нас, они поспешно поднялись с мест и поприветствовали мою сестру. Похоже, у тринадцатого принца сегодня было хорошее настроение, и я, не устояв, тайком задержала на нем взгляд. Сразу что-то почувствовав, он повернул голову и натянуто улыбнулся мне, приподняв брови. Я торопливо отвела

глаза, успев, впрочем, заметить, что четырнадцатый принц тоже мельком взглянул на меня. В его взгляде не было ничего особенного, но я покраснела, сама не зная почему.

Вдруг снаружи шатра донеслись восхищенные возгласы и рукоплескания. Устремив наружу внимательные взгляды, мы увидели мчащегося во весь опор белоснежного коня, на спине которого восседала девушка в алом платье для верховой езды; юбка флагом развевалась на ветру. Время от времени она хлестала нагайкой расставленные на земле флажки, заставляя их почти сворачиваться в трубочку. Каждый ее удар достигал цели, вызывая все более громкие аплодисменты.

Я еще никогда не видела, чтобы девушка так хорошо держалась в седле. Не в силах оторвать от нее глаз, я, хлопая в ладоши, одобрительно завопила вместе с другими зрителями. Всадница сделала круг и, натягивая поводья, не спеша покинула манеж, но зрители продолжили криками выражать свое восхищение. Я была так взбудоражена, что, не сдержавшись, потянула сестру за рукав:

– Великие небеса! Только сейчас я поняла, как выглядят люди, исполненные доблести. Я сегодня не зря пришла, раз мне удалось увидеть подобную личность.

– Раз тебе так понравилось, – Жолань со смешком толкнула меня локтем, – то научись сама.

С безграничным восхищением припомнив только что увиденное, я лишь вздохнула:

– У каждого своя судьба, и ни у кого не получится пойти ей наперекор.

Услышав мои слова, сидевшие рядом тринадцатый и четырнадцатый принцы дружно прыснули со смеху.

Я все еще была под впечатлением от потрясающего представления, когда в шатер, сжимая в руке нагайку, вошла девушка, одетая в алый костюм для верховой езды. Увидев ее, я постаралась скрыть восторг, что был написан на моем лице. Она... оказалась Миньюй-гэгэ, которую теперь следовало звать десятой госпожой. Я украдкой испустила короткий вздох. Теперь я понимала причину, по которой тринадцатый принц был в нее влюблен. Разве можно не склонить голову перед подобной чарующей и гордой осанкой?

Миньюй вскользь обвела шатер взглядом. Тринадцатый и четырнадцатый принцы поднялись для приветствия. Я ужасно сочувствовала тринадцатому принцу: какое это, должно быть, мучение – называть ее невесткой!

Вскинув подбородок, Миньюй смерила меня неприязненным взглядом:

– Никакого понятия о приличиях!

Только сейчас я поняла, что теперь ее статус выше моего и я должна поприветствовать ее. Но если подумать, она не поздоровалась с моей сестрой, так с какой радости я должна здороваться с ней? А, да ну ее! Я уже приняла было решение не обращать на Миньюй внимания, но тут вспомнила, что все это происходит на глазах у тринадцатого принца! Сердце невольно забилось быстрее, и я, решив не провоцировать этого тирана, без всякого желания поклонилась десятой госпоже и произнесла:

– Всех благ госпоже.

Хмыкнув, она тут же забыла обо мне и села. Дождавшись, пока она сядет, я тоже опустилась обратно на стул. Повисло неловкое молчание. В эту самую минуту в шатер зашел господин наследный принц, а за ним четвертый, восьмой, девятый и десятый принцы. Все мы торопливо вскочили, чтобы поприветствовать их.

– Поднимитесь! – с улыбкой сказал наследный принц.

Заняв свое место, он обратился к десятой госпоже:

– Наш царственный отец давно лестно отзывался о вас, говоря, что гэгэ из рода Гороло – настоящая маньчжурская гэгэ. Сегодня я убедился, что ваша репутация вполне заслуженна.

– Господин наследный принц слишком добр, – смеясь, ответила десятая госпожа. – Государевы слова похвалы относятся к моей старшей сестре, я не осмеливаюсь принимать их на свой счет.

Впервые после того свадебного пиршества я видела старину десятого. На душе у меня было беспокойно. Едва появившись внутри шатра, он тут же вперил в меня горящий взгляд, и я занервничала, не осмеливаясь глядеть на него в ответ. На манеже показывал свои навыки какой-то молодой парень, но, хотя Минъюй здорово меня раздражала, я не могла не признать, что ему далеко до нее, и потому невнимательно следила за его выступлением.

Я без особого интереса глядела на происходящее на манеже, когда вдруг услышала голос десятой госпожи:

– Малтай Жоси, ты одета в платье для верховой езды, так почему не выйдешь и не покажешь свое искусство?

Я мысленно застонала. Начинается! Но, помня о тринадцатом принце, который был где-то поблизости, я не решалась говорить все, что приходило в голову, хотя молчание стоило мне немалых трудов. Сестра метнула в меня одобрителный взгляд.

Не прошло и минуты, как десятая госпожа снова заговорила:

– Слышала, дочери генерала Малтай выросли в лагере, среди солдат, наверняка их способности к верховой езде превосходят любые ожидания. Почему бы не воспользоваться случаем и не показать другим свои умения?

Я подумала с ненавистью: угомонишься ты или нет? Да ни один мужчина не сравнится с тобой в умении ездить верхом; естественно, тебе хочется, чтобы я вышла на манеж и опозорилась. Я раздраженно взглянула на нее, затем на тринадцатого принца и продолжила хранить молчание.

Сестра была в восторге от изменений, внезапно произошедших в моем характере. Но тут господин наследный принц с улыбкой произнес:

– Малтай Жоси, выйди на площадку и покажи всем свое искусство!

Я торопливо вскочила, но не успела и рта открыть, как услышала голос десятого принца:

– Она не умеет ездить верхом. Когда мы в прошлый раз выгуливали коней, она пошла с нами, но могла лишь сидеть верхом на лошади, которую вел под уздцы слуга.

Эх, старина десятый, подумалось мне, думаешь, ты спас меня? Ты меня погубил!

Словно в доказательство моих мыслей, десятая госпожа тут же с ледяной улыбкой вклинилась в разговор

– Похоже, не всем слухам стоит верить. Все говорят, будто каждый в лагере генерала Малтай не только прекрасно ездит верхом, но и отлично стреляет с коня. Теперь я вижу, что все это пустая болтовня. Навряд ли среди них есть хоть один герой, а вот трусишек, похоже, немало.

Она едва успела закончить свою тираду, как Жолань поднялась со своего места и с легкой улыбкой обратилась к наследному принцу:

– Ваша покорная слуга желает выйти и показать свое умение. Правда, я не приехала верхом, потому придется позаимствовать лошадь десятой госпожи.

Десятая госпожа попала в самое больное место Жолань, подумала я и забеспокоилась, ведь я не знала, как у моей сестры обстоят дела с верховой ездой. Впрочем, раз уж так получилось, мне оставалось лишь молча наблюдать.

Наследный принц согласно кивнул, и сестра покинула шатер. Волнуясь, я вышла вслед за ней и встала так, чтобы ничто не загораживало взор.

Прошло совсем немного времени, и на манеж вылетела белоснежная лошадь с Жолань на спине. Сестра скакала ненамного быстрее десятой госпожи, но... Она то садилась боком, то, обхватив двумя руками лошадиную шею и тесно прижавшись, повисала у животного на боку; то мчалась, держась за луку седла лишь одной рукой, то делала на лошадиной спине раз-

ворот. Жолань не просто ехала верхом – она выглядела прекрасной феей, которой вздумалось пуститься в пляс верхом на лошади.

Отовсюду, включая шатер, неслись одобрительные крики, один другого громче. Шумно восхищались даже такие умелые наездники, как, к примеру, десятый, тринадцатый и четырнадцатый принцы. Я же аплодировала с еще большим энтузиазмом, чем все остальные.

В конце концов сестра встала ногами на седло и, подстегнув лошадь, направила ее напрямик к шатру. В тот день Жолань была одета в розовое атласное платье с узкими рукавами и короткую курточку, подбитую горностаевым мехом и подпоясанную завязанным бантом плетеным ремешком. Ее волосы были собраны в простой узел, который держали двенадцать жемчужных шпилек. Она стояла на спине лошади, и ткань ее платья вместе с кончиком плетеного шелкового пояса живописно развевались на яростном ветру. Сестра всегда была прекрасной и грациозной, но сейчас казалась небожительницей, спустившейся с небес на грешную землю.

Глядя, как она постепенно приближается к шатру, не собираясь снижать скорость, я забеспокоилась. Шатер быстро окружили стражники. Все ближе и ближе... Наше беспокойство росло, наступила оглушительная тишина – все затаили дыхание. Вдруг раздалось громкое ржание, и лошадь как вкопанная застыла в десяти шагах от шатра, а моя сестра у нее на спине даже не покачнулась. Несколько мгновений вокруг царила тишина, а потом пространство внутри и снаружи шатра взорвалось громовыми овациями.

Спрыгнув с лошади, Жолань сунула поводья в руки стоявшего поблизости стражника и вошла в шатер. Согнувшись в поклоне, она обратилась к наследному принцу:

– Ваша покорная слуга поступила безрассудно. Прошу господина наследного принца назначить наказание.

– Подобное искусство должно вознаграждать, – с улыбкой ответил наследный принц. – Разве можно за него наказывать?

Я тайком бросила взгляд на десятую госпожу. Даже на ее неприветливом лице отражалось восхищение.

Заставив сестру выпрямиться, наследник престола сказал восьмому принцу:

– Похоже, восьмой, умения твоей супруги намного превосходят твои собственные.

– Верно, – согласился восьмой принц с тактичной улыбкой.

Мое сердце, однако, кольнуло болью. Он наверняка знает, почему моя сестра так превосходно держится в седле.

Соревнования еще не закончились, но после этих двух потрясающих выступлений уже не вызвали у зрителей особого интереса, и за происходящим на манеже никто пристально не следил. Сестра заняла свое место. Она выглядела рассеянной, и на ее лице читалась неприкрытая печаль. На губах восьмого принца играла легкая улыбка; он сидел с опущенной головой, погруженный в свои мысли, и, сколько я ни глядела, в его улыбке видела лишь горечь. Мне тоже стало грустно, и я, поднявшись, тихонько выскользнула из шатра.

Бездумно бредя вперед, я размышляла о потрясающем умении сестры ездить верхом. Меня не покидала мысль о том, что учивший ее человек, судя по всему, держался в седле еще лучше, а значит, он, без сомнения, был сильным и решительным. Они должны были стать парой соколов, парящих над бескрайней пустыней Гоби; но сейчас один из них спал в земле вечным сном, а другая была заперта за воротами богатого поместья.

Из невеселых раздумий меня вывел насмешливый голос, раздавшийся за моей спиной:

– Брак уже состоялся, нет никакого смысла и дальше печалиться.

Обернувшись, я увидела тринадцатого принца, глядящего на меня с невеселой улыбкой. Он вразвалочку шел следом, ведя на привязи того самого огромного вороного коня.

По выражению его лица я сразу догадалась, что он имел в виду, и разозлилась. Мне было лень ему что-то объяснять, поэтому я лишь равнодушно бросила:

– К тебе это тоже относится!

И, повернувшись, продолжила свой путь.

Он ненадолго замер, а затем, будто обдумав что-то, вдруг расхохотался и догнал меня. Его странный смех заставил меня остановиться. Поравнявшись со мной, тринадцатый принц, продолжая смеяться, указал на меня пальцем:

– Вот оно что! В шатре ты вела себя так смиренно, оказывается... Оказывается, ты думала, что я люблю ее.

И он захохотал еще пуще.

Сначала меня раздражал его необъяснимый хохот, но, когда он все объяснил, раздражение сменилось недоумением, а я затем почувствовала, как ко мне понемногу приходит осознание. Вдобавок я вспомнила его заблуждение насчет меня, и мне тоже стало смешно. Не удержавшись, я рассмеялась.

Некоторое время мы вдвоем хохотали, стоя друг напротив друга, но вскоре прекратили, продолжая с легкими улыбками обмениваться взглядами. Казалось, этот смех растопил крохи неприязни между нами. Я пошла дальше, и он медленно пошел рядом. Огромный вороной конь брел позади нас.

Я шла и думала: как же могло возникнуть такое недоразумение? Улыбнувшись одними губами, я не утерпела и заявила:

– Я тоже не влюблена в десятого принца.

Он замер от неожиданности, а затем, всмотревшись в мое лицо, снова расхохотался. Я с улыбкой наблюдала за ним. Отсмеявшись, он сказал со вдохом:

– Теперь мы квиты.

Мы дошли до невысокой насыпи. Отыскав более-менее ровное место, я села и, обняв колени, стала смотреть на далекую площадку для конных состязаний. Тринадцатый принц сел рядом и тоже принялся наблюдать за едва различимыми отсюда фигурками людей и лошадей. Вороной конь неподалеку рыл копытом землю.

Мы долго молчали. Я умирала от любопытства и, не выдержав, все-таки спросила:

– О чем ты горевал в тот вечер?

Принц не ответил, продолжая глядеть вдаль. Подождав немного, я тихо добавила:

– Если тебе трудно об этом говорить, то не надо.

Он помолчал еще немного, а затем произнес:

– На самом деле ничего такого. Тот день был годовщиной смерти моей матери.

– А-а-а, – протянула я, глядя на него и не зная, что еще сказать. В конце концов я отвернулась и замолчала.

Прошло еще немного времени, и он натянуто улыбнулся:

– А еще в тот же день много лет назад моя мать стала женой императора.

Его слова вызвали во мне волну жалости. Вот так и прошла жизнь этой женщины. Ныне, пожалуй, никто, кроме ее сына, не помнит, в какой день она, юная и цветущая, вышла замуж и когда в полном расцвете сил навсегда покинула этот мир. А тот человек, которому следовало помнить об этом, сейчас имеет под пятой целую империю и все ее богатства; разве он вспомнит, в какой день счастливым жезлом³³ откинул алое свадебное покрывало, скрывавшее очаровательное женское лицо?

³³ Счастливый жезл #кит.### – палочка, которой во время свадебного обряда жених откидывает покрывало с головы невесты. Жезл на самом деле представляет собой коромысло весов и имеет зарубки, обладающие глубоким символическим смыслом.

Я вспомнила день свадьбы десятого. Торжественно убранный зал, красный цвет режет глаза, а в душе тринадцатого принца в это время все было траурнобелым³⁴. И как он смог это вынести? Все мое недовольство, рожденное его грубым поведением в тот день, бесследно испарилось, осталось лишь безграничное сочувствие.

Мы долго сидели в молчании, пока он, улыбнувшись, не спросил меня:

– Если ты не влюблена в десятого брата, то почему пела для него? И почему все говорят, что ты из-за него сошла с ума?

Я склонила голову набок, обдумывая свои слова, и ответила вопросом на вопрос:

– Знаешь, что делала Хун Фу³⁵, когда чужеземец с курчавой бородой впервые увидел ее?

Тринадцатый принц слегка растерялся, но, подумав, все же ответил:

– Хун Фу расчесывала волосы.

– Отношения между мужчиной и женщиной могут быть как у Хун Фу и того бородатого чужеземца, – заметила я с улыбкой. – Можно искренне заботиться друг о друге, не помышляя о любви.

Услышав это, он изменился в лице и пристально взглянул на меня, а я, в свою очередь, смело глядела в ответ.

– Славно сказано, – наконец произнес он. – «Искренне заботиться друг о друге, не помышляя о любви»!

Я обрадовалась, увидев, что он понял смысл, который я вложила в эти слова. В конце концов, людям из древних времен идея равноправной дружбы между мужчиной и женщиной была в новинку, и большинство не приняло бы ее; но тринадцатый принц, похоже, признал, что она имеет право на существование. Не сдержавшись, мы снова переглянулись и засмеялись.

Посмотрев в сторону манежа, я поняла, что состязания, похоже, закончились.

– Пора возвращаться, – сказала я, поднимаясь.

– Как насчет пойти пропустить пару чаш? – вдруг спросил принц, поднимаясь следом за мной.

Я удивленно воззрилась на него, и он ответил мне мягкой улыбкой. На душе у меня невольно потеплело, и я с воодушевлением ответила:

– Почему бы и нет?

– Поедем на одном коне? – спросил он, оглянувшись на своего вороного скакуна.

– Не впервой, – со смешком сказала я.

Хохотнув, он забрался в седло, подтянул меня следом и усадил позади себя. Затем принц гаркнул: «Н-но!» – и мы помчались во весь опор.

Он подстегивал коня, и мы петляли по переулкам, пока не остановились у ворот изысканного поместья.

Открывая нам пожилая служанка, увидев принца, торопливо поприветствовала его, а затем произнесла с заискивающей улыбкой:

– Почему тринадцатый господин не послал никого уведомить о его приходе? Госпожа сейчас принимает гостей. Я передам ей о вас, и она пошлет кого-нибудь вас встретить как положено.

– Нет нужды, – ответил тринадцатый принц. – Сегодня я лишь хочу выпить здесь с другом. Будет достаточно, если ты займешься вином и закусками для нас.

Старушка тайком взглянула на меня. Увидев, что я богато одета и к тому же смотрю на нее в упор, она поспешно опустила голову и сказала:

– Слушаюсь.

³⁴ В странах Азии траурным считается белый, а не черный цвет.

³⁵ Хун Фу #кит.###и чужеземец с курчавой бородой #кит.#L ###– персонажи танской новеллы Ду Гуантина #850–933# «Чужеземец с курчавой бородой» #пер. О. Фишман и А. Тишкова#, рассказывающей историю любви Ли Цина и Хун Фу.

Тринадцатый принц явно не раз бывал в этом поместье. Он провел меня в одну из комнат, обставленную скромно, но со вкусом. Кроме мебели розового дерева ее украшала лишь стоящая на столике у окна белая фарфоровая ваза с беспорядочно втиснутыми в нее несколькими зелеными стеблями бамбука.

Оглядев комнату, я вслед за тринадцатым принцем опустилась на один из стульев и с улыбкой поинтересовалась:

– Здесь живет твоя наперсница?

– Когда мне бывало тоскливо, я часто приходил сюда пропустить пару чаш вина, – со смешком ответил принц. – С ней можно разговаривать.

Я кивнула, подумав, что обитательница этой комнаты, должно быть, из изысканных и просвещенных певичек, которые никогда не принимают у себя заурядных посетителей.

Через некоторое время та старушка и две молоденькие служанки внесли вино и кушанья. Накрыв на стол, они удалились, и мы с тринадцатым принцем начали пиршество.

Мы выпили по несколько чарок и постепенно разговорились. Мы успели обсудить все; от дворцовых пустяков перешли к забавным историям из прошлого и настоящего, от безбрежных степей Севера – к дождливой области Цзяннань, а разговор о пейзажной поэзии заставил нас вспомнить известных мудрецов всех времен. В конце концов неожиданно выяснилось, что мы оба почитаем Цзи Кана и Жуань Цзи³⁶. Я и раньше чувствовала, что мы во многом схожи, а сейчас и вовсе, взбудораженная сверх меры, жалела, что мы не познакомились раньше.

За тысячи лет, что развивалась китайская культура, «три устоя и пять постоянств»³⁷ конфуцианства стали подобны огромной сети, в которой, связанный культурным и политическим главенством императорской власти, намертво запутывался любой индивидуум. Развитие полноценного индивидуализма в таких условиях было просто невозможно. Родившийся в смутные времена Цзи Кан, однако, был исключением. Он был подобен вспышке молнии, пронзившей черное ночное небо, кратковременной, но прекрасной. В своей выдающейся работе «Письмо о разрыве с Шань Цзюйюанем» он изложил главные принципы, на основании которых считал, что люди по природе своей равны. Стоит вспомнить его слова «порицаю Чэн Тана³⁸ и У-вана³⁹, презрительно отзываюсь о Чжоу-гун⁴⁰ и Конфуции», и становится ясно: Цзи Кан полагал, что «совершенномудрые мужи», которых так превозносило конфуцианство, отвечают лишь набору критериев ценностей определенного класса и нельзя требовать от всех людей ему соответствовать. Каждый отдельно взятый человек лучше других знает, что ему нужно, и каждый имеет право быть кузнецом собственного счастья. Вполне можно утверждать, что идеи Цзи Кана имеют много общего с современными понятиями об индивидуализме, свободе и равенстве.

Хотя я давно знала, что тринадцатый принц отличается весьма своевольным характером, я не могла даже предположить, что он уважает Цзи Кана, особенно учитывая тот факт, что принц являлся отпрыском императорской фамилии. Стоя на самой вершине пирамиды господствующего класса, он совершенно не собирался отстаивать свой статус и свои интересы, относясь к ним без какого-либо пиетета. Невероятно: в прошлом нашелся человек, способный

³⁶ Цзи Кан (кит.##)(223–262) – китайский поэт и философ эпохи Троецарствия (220–280). Жуань Цзи (кит.##)(210–263) – живший во времена Троецарствия поэт, философ и музыкант.

³⁷ Три устоя и пять постоянств (кит.#####) – традиционное для конфуцианства обозначение нормативных отношений между главными социальными ролевыми позициями и нормативных этических качеств. Три устоя устанавливают нормы отношений между правителем и сановником, между отцом и сыном, между мужем и женой, а именно следующие: правители, отцы и мужья обладают абсолютной властью над сановниками, сыновьями и женами. Пятью постоянствами же являются гуманность, должная справедливость, этико-ритуальная благопристойность, разумность и благонадежность.

³⁸ Чэн Тан (кит.##) – первый правитель династии Шан (1600 г. до н. э. – 1045 г. до н. э.).

³⁹ (Чжоу) У-ван (кит.###) – основатель династии Чжоу (1045 г. до н. э. – 221 г. до н. э.).

⁴⁰ Чжоу-гун (кит.##) – крупная политическая фигура эпохи Чжоу, младший брат У-вана.

понять мой образ мыслей, спрятанный в дальних закоулках души. Эта негаданная радость осознания привела меня в полный восторг, и я невольно начала говорить все свободнее.

Принц, вероятно, также не предполагал, что в эпоху, когда так широко распространилось конфуцианство, столкнется с девушкой вроде меня. Как-никак, даже среди мужчин немногие осмеливались высказывать недовольство конфуцианской культурой. Он смотрел на меня со смесью изумления, восхищения и радости на лице, и беседа текла легко и свободно.

Воодушевленная, я подняла чашу и сказала:

– На самом деле есть еще одна очень важная причина, по которой мне так нравится Цзи Кан.

Решив, что я собираюсь изречь еще одну умную мысль, принц приготовился слушать со всем вниманием. Я же прищурилась и с улыбкой заявила:

– В истории Китая было много красавцев, к примеру Сун Юй⁴¹, Пань Ань⁴² и другие, но все они обладали утонченной, почти женственной красотой. Цзи Кан же был не таким. В исторических записях его описывают как мужчину «ростом в семь чи⁴³ и восемь цуней⁴⁴, с благородными манерами, поистине выделяющими его среди других». А как о нем отзывались те, кто видел его вживую?

– «Видевшие его в восхищении говорили: “Он держится свободно и непринужденно, и хоть прямолинеен, но деликатен”. А еще говорили: “Возвышенный, спокойный и вечный, будто сосна, в кроне которой шумит ветер”», – продекламировал тринадцатый принц.

– Именно! – воскликнула я с улыбкой, хлопая его по плечу. – Цзи Кан был мужественным и крепким. Он был высокой зеленой сосной, что стоит под золотыми солнечными лучами, не сгибаясь ни под тяжестью снега, ни под натиском холодных ветров.

Не удержавшись от тяжелого вздоха, я певуче, голосом, в котором слышалось безграничное восхищение, произнесла:

– Кого, как не его, волевого, независимого, полного благородного порыва, можно назвать благородным мужем? Вот он, истинный благородный муж!

Похоже, тринадцатому принцу впервые приходилось слышать, как девушка открыто и беззастенчиво обсуждает внешность мужчины, который ей нравился. Чем дольше он слушал, тем круглее становились его глаза. Когда я закончила, он надолго замолчал, всматриваясь в мое лицо, а затем сказал со вздохом:

– По-настоящему великий человек велик во всем!

Нельзя не признать, что изначально я сблизилась с тринадцатым принцем, преследуя собственные интересы.

В конце концов, если посмотреть, я была приближенной восьмого принца, а моя старшая сестра и вовсе была одной из его жен; согласно же историческим данным, поле боя останется за четвертым и тринадцатым принцами. Разумеется, я не могла изменить ход истории, но никто не запрещал мне приложить все усилия и подготовить себе путь к отступлению.

Однако после сегодняшней живой и откровенной беседы я и вправду увидела в нем родственную душу. Ну кто еще здесь мог считать, что все люди равны по своей природе? Кто еще мог полагать, что даже император не вправе заставлять всех людей выполнять его требования? Пускай он ставит под сомнение нынешнюю систему только потому, что зачитывается Цзи Каном; пускай он толерантен и открыт новому лишь в силу своего от природы своевольного и легкомысленного характера – для меня одного этого было достаточно, чтобы восхищаться им.

⁴¹ Сун Юй (кит.##)(298 г. до н. э. – 222 г. до н. э.) – китайский поэт периода Воюющих царств (V в. до н. э. – 221 г. до н. э.), один из основателей старинной китайской словесности.

⁴² Пань Ань (Юэ) (кит.##)(247–300) – китайский государственный деятель и поэт времен Западной Цзинь (265–316 гг.). Считался эталоном мужской красоты.

⁴³ Чи #кит.##– китайская мера длины, примерно равная 30 см.

⁴⁴ Цунь #кит.##– китайская мера длины, составляет 1/10 чи, около 3,5 см.

К тому времени, как мы допили вино и тринадцатый принц отвез меня обратно в резиденцию восьмого бэйлэ, уже стемнело. Хотя мы уже не мчались так быстро и у меня на плечах была одолженная принцем накидка, мне было холодно.

– Возвращайся! – сказала я, когда он помог мне слезть с коня.

– Лучше я сам все объясню восьмому брату, – ответил он после недолгого раздумья.

– Они ничего мне не сделают, – с улыбкой заявила я. – Сестра просто не сможет.

Принц улыбнулся мне в ответ и взялся за дверное кольцо, не обращая внимания на мои слова.

Я безропотно уступила его упрямству. Ворота распахнулись почти сразу, и двое привратников, увидев меня и тринадцатого принца стоящими у дверей бок о бок, торопливо поприветствовали нас, не скрывая изумления.

– Поднимитесь! – равнодушным тоном велел принц. – Идите и сообщите господину бэйлэ о моем приходе.

Один из слуг тут же умчался. Второй, поспешно закрыв ворота, повел тринадцатого принца в гостиную. Кивнув принцу на прощание, я сама отправилась в комнату сестры. В комнате были лишь она и Цяохуэй, замершая рядом с Жолань.

Бледная как смерть, сестра проговорила, глядя на меня:

– Ты, должно быть, помнишь, как я сказала, что в тот раз тебе повезло, но следующего раза не будет?

Я стояла перед ней, не зная, что на это ответить. В современном мире я частенько уходила гулять с друзьями, но здесь, в прошлом, даже такое заурядное происшествие способно вызвать у окружающих столь бурную реакцию, и я не удержалась от тяжелого вздоха.

Я молчала, так как понимала, что мои попытки что-то объяснить сестре ни к чему не приведут: разрыв между нашими поколениями составлял больше трехсот лет. Жолань лишь с грустью глядела на меня с выражением беспомощности на лице.

Мы молчали, казалось, целую вечность. В конце концов сестра устало махнула рукой:

– Иди!

Я бросила на нее короткий взгляд. Конечно, мне было неприятно, но я действительно не чувствовала себя виноватой. Я уже многого лишилась здесь и не хочу, чтобы у меня отняли еще и право заводить друзей, даже если это ранит душу моей сестры. Я повернулась и, так и не сказав ни слова, покинула комнату.

Когда я проснулась, было уже довольно поздно. Не желая вставать, я валялась в постели, уставившись на верхушку полога, и размышляла о вчерашней прогулке с тринадцатым принцем. Чем больше я вспоминала, тем лучше становилось мое настроение. Жаль, что нельзя пойти к нему прямо сейчас и позвать выпить вина.

Сквозь радостные мысли о том, что в этой эпохе мне удалось найти родственную душу, пробился голос стоявшей за пологом служанки:

– Барышня, господин бэйлэ велел передать, что ожидает вас у себя.

Едва дослушав, я тут же вскочила. Приведя себя в порядок, охваченная беспокойством, я отправилась следом за ожидавшим меня снаружи евнухом.

Когда я оказалась у дверей кабинета, там уже стоял Ли Фу. Распахнув двери, он впустил меня внутрь, а затем закрыл за мной створки. Я услышала щелчок закрывающейся двери, и мое сердце, которое я так долго и с таким трудом успокаивала, снова забилося как бешеное.

Одетый в серебристо-голубой чанпао, восьмой принц стоял у селадоновой урны вышиной в половину человеческого роста, из горлышка которой торчало чуть больше десятка разных свитков с каллиграфией и живописью. Когда я вошла, он даже не пошевелился, продолжая с отстраненным видом смотреть в окно. Солнечные лучи, проникая сквозь шестиугольное окно, пятнами ложились на его лицо, отчего его выражение невозможно было прочесть.

Я не имела никакого понятия о том, что ему вчера сказал тринадцатый принц, и тем более не могла знать, что происходило в голове у него самого, потому не осмелилась открыть рот и просто застыла у входа. Прошло немало времени, прежде чем восьмой принц обернулся и спросил с легкой улыбкой:

- Куда вы вчера ходили с тринадцатым братом?
- Разве тринадцатый принц ничего не рассказал? – ответила я после недолгой заминки.
- Сейчас я спрашиваю об этом тебя, – отозвался он.

Я пребывала в полном смятении, но, тщательно обдумав вчерашнее, все же пришла к выводу, что, хотя все и произошло несколько сумбурно, мы не делали ничего, о чем нельзя было бы рассказать.

– Тринадцатый принц водил меня кое-куда выпить вина, – поведала я, смело глядя в глаза восьмому принцу.

Он ничего не ответил. На его губах играла неизменная улыбка, но глаза цепко вглядывались в мои, будто надеясь через них заглянуть мне прямо в душу. Некоторое время я отвечала ему невозмутимым взглядом, но вскоре почувствовала себя неудобно и, притворившись, что ищу, куда бы присесть, отвернулась.

Едва я села, как он мягко произнес:

– Подойди.

Подняв голову, я с недоумением посмотрела на него.

– Подойди, – тихо повторил он, тепло улыбнувшись мне.

Я решила, что он искренен, медленно поднялась и с опущенной головой побрела к нему, едва волоча ноги. Примерно в трех шагах от него я остановилась и принялась внимательно изучать мозаичный пол.

– Неужели я настолько страшен? – едва слышно вздохнув, тихо пробормотал он и сделал два шага в мою сторону.

Я осознала, что всякий раз, когда он находится рядом, я чувствую какое-то давление – мое сердце начинает биться как загнанное, а в голове становится пусто, и я теряю всякую способность здраво мыслить. Он осторожно взял меня за руку. Я машинально отдернула ее, но он, цепко схватив меня, велел:

– Не шевелись!

Принц извлек из-за пазухи ярко-зеленый, искрящийся кроваво-красными прожилками нефритовый браслет и надел его мне на руку.

Неторопливо продвинув браслет подальше мне на запястье, он выпустил мою руку и отошел к столу, опустившись на стул возле него. Как только он повернулся ко мне спиной подальше, в голове сразу прояснилось, и я начала лихорадочно соображать, что все это, в конце концов, значит. Разве я пришла не выслушивать нотации? Мои размышления прервал его мягкий голос:

– Ко мне скоро должен прийти шилан Яо из Министерства чинов. Ты можешь идти.

Я растерянно угукнула, поклонилась и вышла. Ли Фу тут же согнул спину, приветствуя меня, но я, поглощенная своими мыслями, даже не взглянула на него.

Когда я вернулась, Жолань по моему озадаченному лицу, видимо, решила, что восьмой принц хорошенько отчитал меня.

– Настало время следовать правилам, – холодно произнесла она с едва заметной улыбкой. Ничего не ответив, я ушла в свою комнату, ниже натянув рукав.

За ужином сестра заметила браслет на моем запястье и ошеломленно спросила:

– Откуда он у тебя?

От испуга я не нашлась с ответом, но Жолань вдруг кивнула:

– Тринадцатый принц весьма щедр. Это очень редкий камень, «кровавый нефрит феникса».

Сестра все не так поняла, но я, не имея возможности объясниться, позволила тринадцатому принцу остаться героем в ее глазах.

Вопреки ожиданиям, Жолань не стала меня упрекать, лишь произнесла с легким вздохом:

– Среди всех принцев тринадцатый, определенно, самый прелестный. В нем есть благородство, которым многие не обладают.

Я усмехнулась с опущенной головой, тайком подумав, что моя сестра – необычный человек. Прочие госпожи, супруги и гэгэ видели в тринадцатом брате лишенного матери, а следовательно, и влияния во дворце бедного принца без денег в кармане, задвинутого на задний план.

Когда мы поели, а наши чайные чашки наполовину опустели, сестра внезапно сказала:

– Есть вещи, на которые мы не можем повлиять, и лучше даже не думать о них.

Я замерла с чашкой в руке и задумалась. В конце концов, не придумав ничего стоящего, я сказала первое, что пришло мне в голову:

– Я могу сама о себе позаботиться.

Глава 7

Шагает юность под пьянящим светом фонарей

Близился Праздник весны⁴⁵. Все предвкушали его наступление, я же день ото дня становилась все печальнее. Меня тревожила мысль о том, что после Праздника весны наступит Праздник фонарей⁴⁶, а там недалеко и до дня, когда будут выбирать девушек для дворцового гарема. Осознавая, что осталось не больше месяца, я понимала, что не питаю никаких надежд в отношении наступающего года, а, напротив, хотела бы, чтобы он никогда не наступал. В жизни, однако, редко что получается так, как хочется, поэтому я, не сопротивляясь, встретила новый, сорок четвертый год эпохи Канси⁴⁷.

По случаю Праздника весны во дворце устраивали великое торжество. Впрочем, за эти полгода я успела побывать на многих императорских пиршествах, больших и малых, и того волнительного чувства, что бывает, когда впервые посещаешь подобное мероприятие, у меня уже давно не возникало; кроме того, на душе было тяжело, и все стало безразлично. Когда настал день праздника, я доверила все приготовления Дунъюнь, а после, подобающим образом наряженная, вместе с господином бэйлэ и сестрой отправилась во дворец.

Я пребывала в мрачном настроении, и меня совсем не волновала роскошная обстановка кругом. Словно марионетка, я послушно следовала за остальными, произнося приветствия тогда, когда требовалось, и садясь туда, куда следовало, и не доставляла неприятностей. В отличие от предыдущего раза, когда отмечали Праздник середины осени, сегодня в зале присутствовали многие сановники с женами и прочими домочадцами, поэтому обстановка была более оживленной. Так даже лучше, думала я, никто не будет обращать на меня внимания, и я смогу в одиночестве тихонько сидеть в углу. Но как там говорится? Жизнь – тяжелая штука, и в ней часто все идет не по плану. Десятый принц со своей супругой – прекрасный тому пример. Начнем с того, что, как только я вошла в зал, десятый принц, невзирая на сидящую рядом супругу, тут же принялся таращиться на меня, и вскоре мне пришлось терпеть сразу два красноречивых взгляда, один обжигающий, другой – ледяной. Я оказалась словно меж двух огней и сидела как на иголках. В итоге я потеряла терпение и, вскинув глаза, со злостью уставилась

⁴⁵ Праздник весны #кит.###– китайский Новый год, празднуется первого числа первого лунного месяца.

⁴⁶ Праздник фонарей #кит.####– отмечается в первое полнолуние года, на 15-й день первого лунного месяца, знаменует окончание Нового года. В этот день принято зажигать разноцветные фонари.

⁴⁷ 1706 год.

на десятого принца, будто хотела съесть его заживо. Сработало: стушевавшись, десятый принц отвел глаза. Десятая госпожа, заметив это, одарила меня презрительным взглядом и наконец перестала пытаться проделать во мне глазами две дырки.

Наконец-то воцарилось спокойствие. Я облегченно вздохнула и погрузилась в блаженное оцепенение. Впрочем, очень скоро я снова почувствовала на себе чей-то взгляд. Вот настыр-ный! Десятый, друг, может, хватит уже? Призвав на помощь всю свирепость, на какую только была способна, я вскинула голову, но обнаружила, что на меня, сияя дружелюбной улыбкой, смотрит тринадцатый принц. Приветливое выражение так и застыло на его лице, когда он напорлся на мой яростный взгляд.

Я торопливо улыбнулась ему. Выражение моего лица сменилось так быстро, что у меня заболели лицевые мышцы. Я изобразила беспомощность, не зная, поймет ли он. Принц ответил мне улыбкой и поднял чашу с вином, и я тоже радостно подняла свою ему навстречу, а затем мы оба выпили – вместе, хотя и сидели далеко друг от друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.